Беларусизация.

Можно ли завершить процесс институционального строительства независимого государства?

Сборник материалов конференции

Под редакцией Андрея Шутова

Вильнюс
2014

Сборник издан Центром европейской трансформации (Беларусь) при поддержке Международной неправительственной организации «EuroBelarus» (Литва) и Шведского центра развития сотрудничества НКО «Форум Сюд».

Беларусизация. Можно ли завершить процесс институционального строительства независимого государства?: Сборник материалов конференции / Под ред. А. Шутова. — Вильнюс, 2014. — 108 с.

Тематика книги концентрируется на проблемах завершения институционального строительства независимых государств на постсоветском пространстве. Для Беларуси этот комплексный процесс формирования современной нации можно обозначить термином «беларусизация». В ноябре 2013 года Центр европейской трансформации провел в Минске международную конференцию «Беларусизация. Можно ли завершить процесс институционального строительства независимого государства?». Материалы участников данной конференции представлены в сборнике.

Сборник предназначен для широкого круга исследователей, культурных и общественных деятелей, включенных в процессы трансформаций постсоветских стран, а также для всех, интересующихся ходом и состоянием этих процессов.

© **Центр европейской трансформации**, 2014

Publication was made in the frames of the EIDHR project "Support to the freedom of association in Belarus and empowerment of civil society actors for public policy dialogue".

Оглавление

Предисловие

Предлагаемый вашему вниманию сборник подытоживает результаты работы международной конференции «Беларусизация. Можно ли завершить процесс институционального строительства независимого государства?», состоявшейся в Минске 22 ноября 2013 года*. Конференция была организована Центром европейской трансформации (Беларусь) при поддержке Международного консорциума «ЕвроБеларусь» (Беларусь, Литва) и Фонда Генриха Бёлля (Германия). Конференция входит в серию публичных мероприятий Центра европейской трансформации по обсуждению и понимаю принципиальных проблем и причин сопротивления ряда постсоветских стран и народов трансформационным процессам в XXI-м веке. Во многом, она являлась продолжением нашей предыдущей работы с проблематикой десоветизации и трансформацией форм советского, включая концептуальные, теоретические и практические вопросы десоветизации**. Тематика данного сборника концентрируется на проблемах завершения институционального строительства независимых государств на постсоветском пространстве. Для Беларуси этот комплексный процесс формирования современной нации, включая становление новых общественных институтов и институтов государства, можно обозначить термином «беларусизация».

В концепции редакторов и составителей сборника беларусизация вкладывается в триаду основополагающей линии трансформаций для Беларуси: от десоветизации к беларусизации и европеизации. Последние понимаются не как статические этапы, но как процессы, которые параллельно разворачиваются во времени. Советское меняется и исчезает, но что приходит на его место? На это место могут приходить измененные формы того же самого советского строя, либо нерефлексивные бездумные заимствования из глобализованной культуры. В то же время, осмысленное отношение к трансформациям предполагает, чтобы процессы изменений происходили под контролем нашей воли и

---

* С видеозаписью хода конференции можно ознакомиться по ссылке: http://cet.eurobelarus.info/ru/news/2013/11/25/Belarusization_Conference_2013.html.

** См., в частности: **Десоветизация в контексте трансформаций беларусского общества**: Сборник статей / Под ред. *В. Мацкевича*. — Вильнюс, 2012.

разума. Управляемое, разумное отношение к изменениям требует, чтобы на место устаревших регулятивов и стандартов приходили современные по форме и белорусские по содержанию нормы организации жизни и деятельности.

Беларусизация — это становление нового образа независимой страны, и она должна состояться во всех сферах: в экономике, политике, образовании, науке, архитектуре и дизайне, правовой системе и т.д. Такая постановка задачи выводит беларусизацию далеко за рамки вопросов языка и развития национальной культуры и традиции. Беларусизация устремлена прежде всего в будущее, а национальная традиция в ней должна постоянно рефлексироваться и развиваться, переходить к жизни в новых современных формах. Там, где невозможно опираться на традицию, нам нужно беларусизировать, в некотором смысле, колонизировать и присвоить себе, новые современные практики.

Участники конференции и авторы текстов сборника по-разному подходят к проблемам и причинам трансформаций, описанию задач и проблем беларусизации. Это обусловлено как комплексностью самой темы, так и различными деятельностными и практическими позициями авторов. Такой многофокусный взгляд позволяет увидеть более широкую панораму и контекст постановки задачи беларусизации. В представленных материалах можно увидеть не только описание процессов (искусственных и/или естественных) строительства наций и независимых государств, но через призму авторского взгляда понять актуальное состояние идущих процессов, локализовать их, освоить новые схемы практической работы с ними. В круг обсуждаемых тем включены разные аспекты общей проблемы незавершенных трансформаций посткоммунистического пространства: в частности, критика существующих моделей и трансформационных теорий, исторические коллизии беларусизации и национальной истории, вопросы современного существования империи на постсоветском пространстве, актуальные проблемы реформ высшего образования Беларуси, вопросы исследования современного социального пространства, задачи беларусизации в рамках программы Культурной политики.

Беларусизация: рамки и содержательное наполнение. Историческая детерминация

Владимир Мацкевич

1. **Беларусизация обретает смысл (или утрачивает его) в программных рамках, даже в том случае, если является единственным идеологическим содержанием программы. Программы, в которых беларусизация является единственным идейным и идеологическим содержанием, — нежизнеспособны.**

Примером такой нежизнеспособной программы может быть комплекс мероприятий «Таварыства беларускай мовы» (ТБМ). ТБМ дистанцируется от политики, сосредоточив всю деятельность исключительно на вопросах языка и сферы его употребления. Более того, ТБМ в сфере функционирования языка сосредоточено на форме, игнорируя содержание, забывая о том, что на беларусском языке можно делать антибеларусские высказывания. Язык может выучить каждый, но не каждый, говорящий на беларусском языке, является беларусом, не каждый беларус говорит на беларусском языке. Сведение содержания беларусизации к сфере функционирования языка является не только упрощением, но и препятствием к реальной беларусизации.

Никакая программа не мыслима вне времени. А время в программах задается последовательностью действий или событий. Имеет значение, что чему предшествует и что за чем следует. Программное время описывается в категориях «раньше — позже», «своевременно — несвоевременно». Эти категории не всегда могут быть измерены в календарных единицах, события должны длиться и совершиться, и не так существенно, будут ли они длиться год или десятилетие. Принципиально важным является именно совершенность и завершенность события или действия. Поэтому ошибки программирования обнаруживают себя в поспешности и запаздывании, в несвоевременности и неуместности тех или иных действий

и событий. Но большие программы сопряжены с историей, их разворачивание и есть история. И ошибки программ и программирования изучаются историей и проверяются на исторических прецедентах.

История знает множество примеров, аналогичных или гомологичных беларусизации. Только в истории Беларуси мы можем рассматривать прецеденты:

- древней русификации кривичей, дреговичей, радимичей и др. восточнославянских племен, а также славянизации балтских племен: литва, ятвяги, пруссы и пр. (VIII-XIV века);
- полонизации магнатерии и «постоплитого люда» Великого княжества Литовского, разворачивающейся в несколько этапов и в разные периоды истории (XVI-XVIII века — в Речи Посполитой, XIX-XX века — в Западной Беларуси);
- русификации в Российской империи и в СССР (XVIII-XIX века и XX век);
- советизации в СССР;
- собственно беларусизации, разворачивавшейся несколько раз и описываемой как первое, второе и третье «Адраджэньне».

Даже самое беглое и поверхностное знакомство с этими историческими прецедентами показывает, что языковые процессы никогда не были стержневыми и доминирующими. Все эти *N*-зации представляют собой многообразный комплекс самых разных процессов, начиная от политических и конфессиональных до бытовых заимствований и повседневной моды. Церковь, династическое право, гражданское право, технические инновации, военное дело, школы всех уровней, искусство от архитектуры до фольклора, кулинария, повседневная и праздничная одежда — все эти сферы и

процессы становятся составной частью славянизации, полонизации, русификации и беларусизации.

А если рассматривать советизацию, как антоним беларусизации в XX веке, не совсем тождественный русификации, но во многом стимулирующий ее, то беларусская мова активно была задействована в этом процессе. Фактически, мы сейчас имеем советизированную беларусскую мову. Даже если язык сделать сутью, субстанцией беларусизации, то современный беларусский язык сначала необходимо подвергнуть десоветизации. Иначе он останется, как и был, инструментом советизации.

Комплексность и многообразие процессов в составе беларусизации вынуждает признать, что успехи в любом из направлений (в сфере употребления языка, например) ни к чему не приведут, если будут поражения во всех остальных.

Любые программы складываются из шагов, действий и операций. Но можно выделять в программах и крупные блоки или этапы: например, подготовительный этап, основной и завершающий.

В нашем подходе и в программе Культурной политики* беларусизация есть элемент и составная часть, наряду с десоветизацией и европеизацией. Десоветизация — беларусизация — европеизация являются, с одной стороны, этапами общего процесса, с другой стороны — самостоятельными установками или отношением к культурной, социальной, экономической и политической реальности, к историческим событиям, проектам и программам.

Десоветизация является необходимым подготовительным этапом беларусизации. В десоветизации задействован тот же самый комплекс многообразных процессов, что и в беларусизации. Эти этапы различаются только акцентировкой ценностей, а не со-

* Справочно о программе Культурной политики, см.: http://eurobelarus.info/cultural-policy/ (*Прим. ред.*).

держанием. Точно так же и с европеизацией. Европеизация не может рассматриваться изолировано от беларусизации, она является ее логическим завершением. Беларусы стоят перед выбором: либо раствориться среди европейских народов, либо занять свое собственное место среди европейских народов. Т.е. либо Беларусь становится просто территорией, на которой проживают европейские народы: поляки, украинцы, русские, литовцы и беларусы среди них; либо беларусы присоединяются к Европе как гражданская нация, отличная от других наций: поляков, литовцев, украинцев.

Понятно, что мы выбираем второй вариант: гражданская нация, равная среди других равных европейских наций. Понятно также, что одной декларации о намерениях недостаточно, потому что ошибки, недоделки, незавершенность отдельных составляющих беларусизации свернут нас на первый вариант исторического пути. И мы перестанем существовать и как нация, и как государственное образование.

2. **Беларусизация есть конкретизация для Беларуси нескольких гетероморфных и гетерономных процессов: национализация, суверенизация, субъективация. Национализация (включающая в себя суверенизацию и субъективацию) может быть представлена как установление суверенитета гражданской нации над всеми областями жизни и деятельности в пределах национальной юрисдикции. Не следует сводить национализацию к отношениям собственности или власти, напротив, этого следует избегать. Национализация-беларусизация не тождественна ни экономическому понятию (как противоположности приватизации), ни этнократическому представлению о доминировании и гегемонии некоторого этноса. Национализация не ограничивается лингвистическими аспектами и ни в коем случае не сводится к ним.**

В настоящее время мы сталкиваемся с полной неразберихой в отношении понятия «нация», а если мы еще прибегаем к терминам и понятиям, образованным на основе понятия «нация», то пу-

таница приводит к политическим и общественным конфликтам. Хорошо еще, что в Беларуси эти конфликты не доходят до вооруженных столкновений.

Термин и понятие «нация» совершенно по-разному употребляется в исторических, правовых, экономических, культурных и других контекстах. А если учесть еще и подходные различия (марксистский, расовый, мультикультурный, либеральный подходы и т.д.), то вообще не представляется возможным достижение понимания в вопросах национализации. И, тем не менее, мы не сможем без этого обойтись, поэтому придется разбираться и договариваться.

Мы предлагаем исходить из незыблемости формулы, которая с XVIII века используется в конституциях большинства стран мира: «Власть в стране принадлежит народу! Народ является сувереном в стране!». Эта установка, что народ является источником любой власти в государстве, только на первый взгляд воспринимается очевидной. А народ — это кто? Понятно, что это! Но вот — кто? Поскольку суверенитет, воля, право требуют субъектности, даже одушевленности. А «народ» в современном мире — это абстракция.

Народ племени, народ полиса, народ орды — это понятные и верифицируемые субъекты, а не абстракции. Хоть и редко, но время от времени всё племя может собраться в одном месте, чтобы проявить свою волю. Народ полиса или города-государства тоже может собраться на вече и принимать решения. Но, как только племена влились в нечто большее, а города-государства стали частью больших государственных образований, народ перестал быть субъектом и превратился в риторическую фигуру. Именем народа начали прикрываться демагоги, харизматические вожди, монархи или идеологи. И это является проблемой для представительной демократии, какую бы форму она не принимала.

Проблема может быть сформулирована таким образом. С одной стороны, современное государство основывает свою правомочность тем, что представляет волю народа. Государство либо учреждено волей народа, либо декларирует народ своим сувереном. С другой стороны, современный народ не имеет никаких возможностей проявить свою волю, уступая субъектность и волю индивидуальным гражданам. Решения принимают отдельные люди, либо занимающие государственные посты, либо голосующие на выборах. А где же народ, где его воля, его интересы и потребности?

В XVIII и XIX веках народ время от времени был представлен толпами на улицах столиц и ключевых городов. Абстрактный народ таким образом хоть как-то материализовался. Длительная история революций XVIII и XIX веков научила, что ничего хорошего такая материализация народа собой не представляет. Однако просвещенная публика ничего другого противопоставить толпам не смогла. Более того, толпы стали использовать фашисты и коммунисты как инструменты в политической реальности и с их помощью установили в XX веке тоталитарные режимы в некоторых странах Европы и Азии. После трагедий, вызванных этими режимами, всем стало понятно, что народ не может быть тождественен ни какой толпе, сколь бы многочисленной она ни была, но народ и не есть механическая сумма индивидов. Апелляция к толпам и индивидам не может считаться проявлением суверенитета народа.

Тогда суверенитет народа стал пониматься как механизм, а не нечто материализованное. Это дало основание для утверждений о том, что «структуры не выходят на улицы» и «общественного мнения не существует».

Таким механизмом, через функционирование которого вызывается к жизни суверенитет народа (что делает конституции демократических стран не пустыми декларациями), является гражданское общество со всем набором социальных и политических

институтов. Гражданское общество в своем максимальном выражении и есть гражданская нация, или просто нация. Именно этой нации принадлежит право на самоопределение (учреждение собственной государственности). Этой нации принадлежит суверенитет. Эта нация выступает субъектом национализации территории или собственности на недра, средства производства и т.д. Эта нация есть субъект конституционного права, международного права. Если она существует, конечно же.

Беларусизация, в нашем понимании, — это, кроме всего прочего, обретение беларусским народом суверенитета в своей стране, а это в XXI веке значит ни что иное, как становление гражданского общества в Беларуси.

3. **Распространение суверенитета гражданской нации на все аспекты, области и отрасли жизни и деятельности предполагает ответственность за прошлое, настоящее и будущее этих аспектов, областей и отраслей. Т.е. ответственность за прошлое, настоящее и будущее культуры, языка, хозяйства, воспроизводства образа жизни и самой жизни. Тем самым, беларусизация — это не только элемент и часть программы, она имеет еще и историческое и витальное измерения.**

Контроль над собственным будущим ни у кого не вызывает возмущения (сомнения в возможности для такого контроля пока оставим для философских дискуссий), в отличие от контроля над прошлым. Контроль же над прошлым часто трактуется как переписывание истории и вызывает возмущение, поскольку история воспринимается как нечто неизменное и объективное. Но речь не об искажении истории в угоду политическим или идеологическим интересам, а об осмыслении истории как своей собственной судьбы. Судьбы субъекта, каковым является и совершеннолетний гражданин, и развитое гражданское общество, и гражданская нация. Не имея возможности в коротком тексте углубиться во все аспекты

переосмысления собственной истории, остановимся только на одном примере, имеющем прямое отношение к теме беларусизации.

Вот уже два десятилетия русский язык является государственным языком в Беларуси, наряду с беларусским языком. Это уже история, это наше прошлое и настоящее. Что значит, что нечто является государственным? Государственным — т.е. таким, над чем установлен суверенитет беларусского народа! Это значит, что русский язык — наша собственность. Значит, мы можем делать с русским языком то, что сочтем нужным. Можем устанавливать правила и нормы этого языка, определять его будущее.

Итак, от исторического прошлого нам досталось в собственность два языка, на одном из которых говорит практически 100% граждан Беларуси, а на другом — только часть, но не все (не будем уточнять, большая ли это часть или меньшая, достаточно того, что не все). Если наш суверенитет распространяется на два языка, то почему мы их противопоставляем друг другу? Наш русский язык — беларусский, в том смысле, что он принадлежит нам. И постепенно, меняя этот язык, мы можем в будущем (не знаю, насколько далеком) привести его в тот вид, который нам нужен. Этот язык сейчас очень похож на тот, который является государственным языком Российской Федерации. Но поскольку суверенитет РФ не распространяется на наш государственный язык, то нормы и правила русского языка в России не распространяются на наш суверенный язык.

Нужно ли Беларуси так поступать с одним из государственных языков, соответствует ли это нашим национальным интересам — решать беларусскому народу, т.е. гражданскому обществу. Собственно, сейчас и идет интенсивное обсуждение этого вопроса. И решение этого вопроса — наше суверенное дело, куда не должны вмешиваться иностранные государства.

4. **В программном отношении, беларусизация предполагает артикуляцию образа будущего для страны и нации, общественную апперцепцию и избирательное отношение к инициативам, явлениям и начинаниям настоящего.**

Контроль будущего — очень сложная задача. Будущее не предопределено, мы творим его все вместе, совершая отдельные действия, переживая различные события и проживая их. Будущее является результирующим от всех совершенных нами действий и поступков, как согласованных между собой, так и противоречащих друг другу. Если мы согласуем свои действия, то результат может быть похож на то, чего мы ждем от будущего. Если же мы противоречивыми действиями гасим действия друг друга, то будущее точно будет не таким, каким его желал бы видеть каждый из самостоятельных субъектов. Разумеется, согласованные действия ведут к желаемому будущему; рассогласованные — напротив, к будущему, которое нежеланно никому.

Согласование действий и поступков — трудное дело, но, в принципе, возможное, как показывает всемирная история и история нашей собственной страны. Возможное — при соблюдении некоторых принципов и выполнении некоторых условий.

Главным условием, без которого невозможно общественное или национальное согласие, является предъявление желаемого образа будущего друг другу, т.е. артикуляция планов, намерений и мечты.

Выполнению этого условия мешают всё те же проблемы, которые мы сформулировали для современного гражданского общества и современной нации: планы, намерения и мечты индивидуализированы, а согласование необходимо делать всем народом, или всей гражданской нацией. Но мечты и намерения были и останутся индивидуальными. Даже тоталитарным режимам не удавалось уничтожить мечты и индивидуальные намерения, в демокра-

тических же обществах это и вовсе невозможно. Поэтому согласованию подлежат не мечты и намерения и даже не индивидуальные планы, а оценки этих планов.

Помимо артикуляции желаемого общего будущего, необходимо артикулировать оценку этого будущего, точно так же — и оценку нежелательного будущего. Именно на уровне оценок планов, намерений и мечты происходит общественное согласование. При уважении планов и намерений другого, с чем мы ознакомились в общественных дискуссиях, мы строим свои планы, реализуем свою мечту. Так достигается актуальное единство апперцепции.

И именно актуальное единство апперцепции может гарантировать успешность десоветизации, беларусизации и европеизации. Украинские события с ноября 2013 года являются хорошим историческим подтверждением этого тезиса.

5. **В историческом отношении, беларусизация предполагает переосмысление истории, переоценку ценностей, опору на одни традиции и их воспроизводство и музеефикацию других традиций, которые могут и должны сохраниться в памяти, но не определять будущее.**

Мы не можем вычеркнуть Российскую империю и СССР из нашей истории. Но мы можем согласиться в оценке этих явлений для нас, для нашей гражданской нации и Беларуси. Мы можем найти место для СССР в своей памяти, в учебниках и музеях, но в нашем будущем присутствует не СССР, а суверенная Беларусь и Европа, в которой предстоит жить нам и нашим потомкам.

События в Крыму в 2014 году показывают, что, выбирая собственное будущее (кто действием, кто бездействием), народ Крыма не различает Российскую Федерацию и СССР, но уже не путает ни то, ни другое с Украиной. Но в Крыму не проводилась украини-

зация (украинизация — по аналогии с тем, что мы подразумеваем под беларусизацией) или же она там не была успешной.

Мы не можем вмешиваться в дела народа Крыма, но то, что с ним происходит, может быть для нас хорошим историческим уроком.

6. **В витальном отношении, беларусизация предполагает обживание территории, организацию времени и пространства жизни и деятельности людей, составляющих гражданскую нацию Республики Беларусь.**

Обычно, строя политические и социальные планы и программы, мы оставляем в стороне витальные аспекты: быт, комфорт, образ жизни. Мы боремся за права человека, а не за его удобства и удовлетворение от жизни. Наверное, это правильно в политической и общественной деятельности. Но о витальности никак нельзя забывать.

Суверенитет и осознание собственности (мое — не мое, свое, родное или, напротив, не свое, чужое, даже чуждое) базируются на чувствах и переживаниях. Витальные потребности и оценки формулируются в размытых метафоричных высказываниях, типа: «Чувствую себя, как дома», «Всё вокруг чужое, холодное», «Это мое, наше, родное». Чтобы индивидуальный гражданин мог всерьез заняться согласованием общей судьбы с другим гражданином, у каждого из них должно быть некое единство на витальном уровне. Каждый беларус должен чувствовать себя «как дома» в любой точке Беларуси, если сравнивает ее с другой страной. Жители Гомеля и Витебска смогут обсуждать с пинчуками общую судьбу (судьбу нации), если будут чувствовать себя в Пинске как дома. А это чувство, будучи совершенно субъективным, даже интимным, опирается на условия быта, цвета домов и мебели, кулинарные вкусы, варианты гендерных и сексуальных взаимоотношений и мн. др.

Беларусь — это пространство нашей жизни, это место, где нам удобно и комфортно жить, где мы хотим жить. Впрочем, пока это не совсем так, но беларусизация невозможна без учета такого рода чувств и переживаний. Мы не можем повлиять на эти чувства и переживания, но мы обязаны на них ориентироваться. Потому что, рано или поздно, в историческое перспективе, у нас и с нами останется свое родное и отпадет, или мы потеряем, всё не свое, чужое.

7. **Беларусизация исторична, не только в смысле переоценки известной нам истории и преподавания беларусского взгляда на историю. Историчность означает устаревание и утрату актуальности прошлых программ беларусизации и постоянное обновление, осовременивание программы, согласование беларусизации с глобальными процессами и тенденциями.**

Быть современными трудно. Кому нужна несостоявшаяся в начале XX века страна? Мы можем испытывать ностальгические чувства к утраченным временам, к романтике отношений интеллигенции прошлого и позапрошлого веков. К достоинству и чести шляхты и аристократов. В прошлом было много хорошего, а хорошее лучше помнится, чем плохое.

Быть современным — это результат работы над собой и заботы обо всем, что в нашей собственности, на что распространяется наш суверенитет. В процессе беларусизации нам предстоит построить страну и нацию, которых не было в прошлом. Которые существуют только в будущем. А ведь будущего как такового еще не существует!

Поэтому каждый участник процессов беларусизации становится историческим деятелем — творит историю собственными руками. И кто же может быть таким участником? Обычно историческими деятелями называют полководцев, политиков, реже деятелей искусства. Но уже давно такие представления осознаются исто-

риками анахронизмами. Профессиональные историки всё чаще обращают внимание на историю повседневности, на устную историю простых людей. И в этом подходе каждый может стать историческим деятелем: и художник, и кулинар, и президент, приносящий присягу на Конституции Республики Беларусь, и воспитатель детского сада, разучивающий с детьми песенки про нашу Родину-Беларусь.

Беларусизация Беларуси — это то, что не под силу никому индивидуально. Это то, что складывается из кирпичиков, которыми владеет каждый из нас, творящих историю.

Беларусизация: о современном смысле задачи

Андрей Егоров

Исторические коллизии

В наиболее общем смысле, беларусизация — это процесс формирования и становления независимого национального государства. Общественно-историческая практика вносит свои коррективы в содержание беларусизации, и на каждом историческом отрезке времени оно различно. В конце XIX — начале XX веков не только для беларусов, но для других становящихся наций Восточной Европы задача национального строительства выражалась в формуле единства нации, территории и государства. Нации того времени понимались преимущественно в этнических терминах, и права наций на самоопределение подразумевали возможность провозглашения государственной независимости в границах этнического расселения. Модерные государства-нации Восточной Европы строились по уже сложившемуся западноевропейскому образцу, а процесс национального возрождения совпадал по времени с распадом старых империй (Российской и Австро-Венгерской). Организация жизни в форме национальных государств сменяла устаревшие формы имперского порядка. Это требовало создания новых институтов национального гражданства (вместо подданичества), республиканских форм управления (вместо монархических), построения нового аппарата государства (налоговой системы, армии, полиции, судов и т.д.), модернизации хозяйственного уклада (промышленная революция, земельная реформа), формирования системы национального образования на национальном языке (открытие и реформа школ, училищ, университетов), создания систем управления наукой, культурой и т.д. Для Беларуси этот процесс занял долгие десятилетия, начиная с принятия 3-й Уставной грамоты Беларусской Народной Республики 25 марта 1918 года и до принятия Декларация о государственном суверенитете Республики Беларусь 27 июля 1990 года и выхода из состава СССР в декабре

1991 года. Формально, к 1991 году Республика Беларусь соответствовала всем внешним параметрам и атрибутам современного независимого государства. Но внешняя форма маскировала содержательную неполноту и незавершенность процесса беларусизации. Эта незавершенность возникала как несоответствие требованиям изменившейся общественно-исторической практики, которая с начала XX века пережила существенные трансформации.

Во-первых, мир национальных государств после Второй мировой войны существенно изменился. Принципы открытого общества, демократии, прав человека с поражением фашизма одержали идеологическую победу. Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах и другие принципы нового международного права были акцептированы большинством государств. Произошел сдвиг в доминирующей мировой идеологии, который привнес существенные дополнения в формулу и конструкцию суверенитета государств. Теперь демократические формы управления, верховенство закона и гарантии соблюдения прав человека и прав меньшинств стали важными характеристиками для внутренней легитимности государств и их признания международным сообществом. Практика реализации этих новых принципов существенно отстает от закрепленных в нормах международного права идеалов, но, тем не менее, продолжает охватывать всё большее количество государств. Наиболее полная их реализация была достигнута в Европейском Союзе, ставшем по этим параметрам самым современным союзом независимых государств.

Во-вторых, произошел развал коммунистической системы в 1989-1991 годах, который, в том числе, питался энергией реализации права наций на самоопределение в современных формах демократического устройства, верховенства права и гарантий прав человека. Эта новая конструкция независимого национального государства в общем виде была закреплена в Копенгагенских крите-

риях для вступления стран в Европейский Союз (1993 год). Критерии задали, в некотором смысле, стандарт современной национальной государственности, вне зависимости от того, желает ли страна быть принятой в ЕС. Этот стандарт выражен в наборе требований соответствия политическим критериям (демократия, верховенство закона, права человека, уважение и защита прав меньшинств), экономическим критериям (рыночная экономика) и правовым критериям (принципы европейского права), реализованных в практике стран-членов ЕС.

В-третьих, распространение индивидуальных принципов прав человека привело к размыванию традиционного субстрата национальных государств: собственно наций. В современном мире самоидентификация людей свободна от этнических и национальных форм, в том числе и форм гражданской нации. На территории юрисдикции одного государства оказалось возможным сосуществование разных сообществ с разным национально-культурным и гражданским самоопределением. В предельном случае, это включает и такие сообщества, которые полностью отвергают рамочные формы демократической государственности и прав человека (например, исламистские группы в странах ЕС). В эпоху доминирования классических форм национальных государств такие сообщества подвергались исключению, но в новой социальной конструкции они не могут быть элимированы по принципу (гарантии прав меньшинств). Это создает парадокс, когда радикальные меньшинства отвергают принципы и институциональные рамки, которые создают условия для их свободного самоопределения и существования. Выход из этой ситуации лежит либо в попытках новой национальной унификации, которую часто предлагают праворадикальные группы и разного типа популисты, либо в поисках новой конструкции сосуществования разного. Этическая невозможность первого пути, вынуждает к интеллектуальным и философским поискам оснований совместной жизни. Концепции «коммуникативного разума» (Юрген Хабермас), «текучей модерности» (Зигмунт

Бауман), «сообщества диссенсуса» (Бил Риддингс), «стратегии диссенсуса» (Иржи Пржибань) являются попытками ответа на этот вопрос, но до настоящего времени ни один из этих ответов не является полностью приемлемым. Кризис существования национального субстрата, в свою очередь, лишает опоры всю конструкцию демократической легитимности национальных государств.

В-четвертых, процесс глобализации завершился, и глобализация окончательно охватила всё человечество, все национальные государства. Это означает размыкание национальных государств в открытом мире глобальных экономических процессов, транснациональных корпораций, международного права, свободной миграции и т.д. Это не означает, что национальные государства перестали доминировать в международных отношениях, как это описывают либеральные теории международных отношений, но решение вопросов национального строительства становится не возможным вне этого глобального контекста.

В новых условиях незавершенность процесса национального строительства определяется не тем, что беларусы имеют слабую этническую или национальную самоидентификацию, а несоответствием формы и содержания нашего национального государства вызовам современности. Национальное государство Беларусь и беларусская нация состоялись, в смысле конструкции начала XX века, однако беларусизация запаздывает по отношению к ходу мирового исторического процесса. Мы далеки от реализации стандартов, заданных Копенгагенскими критериями, и еще боле отдалены от практических ответов на вызовы «текучей модерности». При этом Беларусь не более периферийная или отсталая, по сравнению, например, с Россией или Украиной, а в плане ответов на глобальное размывание национальных государств мы находимся в той же ситуации, что и ведущие мировые государства и нации. Общность этой ситуации задается отсутствием нормативных реше-

ний проблемы новой формы сосуществования разного при разрушающемся единстве национальной формы.

Культурная политика

Беларусизация сегодня — это мыслительный и практический ответ на глобализированные проблемы строительства и жизни национальных государств. В мышлении он должен снимать (решать) существующие проблемы и противоречия, в практике — быть реализуемым. Это ставит как минимум три вопроса: 1) о формах и средствах мышления, в которых возможны такие решения; 2) о носителе практической реализации этого ответа; 3) о формах и средствах практической реализации такого ответа. Сразу оговоримся, что далее автор не претендует на единственность и бесспорность ответов на эти вопросы, но претендует на их обоснованность и соответствие задаче.

Разрешение проблем беларусизации возможно в рамках методологического мышления (системо-мыследеятельностного подхода, СМД-методологии) «как универсальной формы мышления, организованной в самостоятельную сферу мыследеятельности (МД) и рефлексивно (в том числе и исследовательски) охватывающей все другие формы и типы мышления. Развитая таким образом методология должна будет включать образцы всех форм, способов и стилей мышления: методические, конструктивно-технические, научные, проектные, организационно-управленческие, исторические и т.д. Она будет свободно использовать знания всех типов и видов, но базироваться, в первую очередь, на специальном комплексе методологических дисциплин: теории МД, теории мышления, теории деятельности, семиотике, теории знаний, теории коммуникации и взаимопонимания и т.п. Она будет свободно использовать все существующие категории, но базироваться пока, в первую очередь, на категории системы, снимающей и организующей все другие категории. Как целое, она будет организовываться специальной рефлексией методологического мышления, фиксируе-

мой в средствах содержательно-генетической эпистемологии (и логики), а также в онтологических представлениях всех методологических дисциплин» (Г.П. Щедровицкий)[1]. Если же отказываться от разрешения вопросов именно в этом подходе, то необходимо опираться на такие подходы, которые претендуют на аналогичные формы универсальности и «снятия» всех других форм и типов мышления.

Программа культурной политики авторства беларусского философа и методолога Владимира Мацкевича является продолжением и развитием системо-мыследеятельностного подхода. Культурная политика — это версия СМД-подхода, которая работает с уникальным (единичным) культурно-историческим объектом — Беларусью — как с объектом мышления и деятельности[2]. Необходимость положить этот объект (Беларусь) как объект методологического мышления привела к существенной ревизии и переосмыслению мыслительных средств самого СМД-подхода. В частности, к развитию средств СМД-подхода в философии Владимира Мацкевича можно отнести внесение прагматической (аксилогической, нравственно-практической) плоскости в схему ортогональной организации мыслительной деятельности, развитие собственной концепции индивидуальности как второго (наряду с идеальным планом мышления) места сборки результатов мышления, проблематизация мыследеятельности как предельной онтологии СМД-подхода, работа над построением онтологии игры, переинтерпретация схемы мыследеятельности в терминах игровой онтологии, развитие представлений о программах и программировании.

Беларусизация, в рамках Культурной политики, осмысливается как один из этапов разворачивания этой программы, наряду с десоветизацией и европеизацией. Если десоветизация предполагает необходимым этапом очищения культурного пространства от архаичных норм советской организации жизни и деятельности в Беларуси, то беларусизация и европеизация есть этапами заполне-

ния этого «расчищенного» (свободного) места[3]. Как и десоветизация, беларусизация является комплексным процессом, разворачивающимся на всех уровнях мыследеятельности: рационально-эпистимическом (чистое мышление), коммуникативно-организационном (мыслекоммуникация), материально-окказиональном (мыследействование).

Основная задача беларусизации на уровне мышления рассматривается как создание места для мышления в стране (институционализация мышления). Беларусь как независимая страна должна самостоятельно выбирать пути и направления своего развития, формы реализации власти, способ и характер осуществления реформ, геополитические ориентации и т.д. В советское время Беларусь, как республика в составе СССР, не имела собственных институтов принятия стратегических решений. Эти функции были сосредоточены в управленческом центре СССР — Москве, и все решения по поводу важных вопросов в любой сфере (от внешней политики до образования) спускались с союзного уровня. С получением независимости Беларуси было необходимо восстановить (создать заново) эти верхние уровни принятия решения (дорастить собственную голову, по выражению Владимира Мацкевича). Эта задача начала реализовываться в 1990-1996 годах с созданием собственных институтов управления и трансформацией функций республиканских (БССР-овских) органов управления в национальные. Например, Верховный Совет БССР 12-го созыва стал выполнять функции беларусского парламента, был создан Национальный банк для управления монетарной политикой, в сфере образования появились национальные институты программирования развитием образования (Республиканский институт высшей школы, Национальный институт образования) и т.д. С установлением авторитаризма в Беларуси в 1996 году этот процесс приобрел искаженные формы, в связи с тотальной централизацией системы управления. Складывающаяся прослойка новых институтов национального мышления была подчинена аппарату Администрации президента. Собственно

функция самостоятельного независимого мышления у них была экспроприирована, а сами эти институты были подчинены выполнению идеологических задач и обслуживанию вертикали власти. Уход свободного мышления из огосударствленных институтов потребовал перенесения акцента на формирование институционального места для мышления в свободной от государственного диктата сфере гражданского общества. В актуальный момент задача институционализации мышления решается посредством формирования Университета как места для культивирования мышления[4]. Практическая реализация этой идеи продолжается в форме Летучего университета[5].

На коммуникативно-организационном уровне беларусизация означает реорганизацию форм и практик публичной коммуникации. В предельно-схематизированном виде это означает формирование экрана массового сознания (образно говоря, зеркала в которое смотрит вся нация) и экспозиция на нем национальных программ, стратегий и проектов развития (или продуктов мыслительной работы). В актуальной ситуации роль экрана выполняют средства массовой информации или «Газета», в терминах прошлой эпохи. Экран выполняет функцию не только представления результатов мыслительной работы, но и их критики, оценки, взвешивания. Экран массового сознания с включенной функцией критики является частью модели эпистемической демократии, предполагающей возможность совершения нацией осмысленного выбора из набора альтернативных программ развития. Окончательный выбор осуществляется в форме общенационального плебисцита (в ходе выборов, референдумов).

Материально-окказиональный уровень затрагивает широкие области преобразований в тематических областях. Общая матрица таких преобразований может выглядеть, например, таким образом, как это представлено в таблице 1[6].

В рамках программы Культурной политики осуществляется последовательное концептуальное и практическое заполнение ячеек данной матрицы. В частности, задачи трансформации в отдельных областях и некоторые практические аспекты реализации этих задач в описаны Концепции и оргпроекте реформы образования, Концепции гражданского образования, наработках по развитию сообществ и качества жизни, гражданственности, переоценке ценностей в культуре и истории и т.д.[7] При этом на материально-окказиональном уровне возникает вопрос коллективно-распределенного субъекта реализации программных задач беларусизации. Национальный уровень задчи и их политический (в широком понимании) смыл предполагает и политический характер субъекта реализации. В рамках Культурной политики такой субъект условно называется «Партией», однако форма существования такого субъекта определяется актуальным политическим контекстом. В настоящей ситуации Беларуси, при закрытости политической системы, партийная форма организации утрачивает свой смыл и для выхода на уровень политики необходимы другие формы: например, массовое общественное Движение.

Подытоживая сказанное, зафиксируем основную матрицу Культурной политики, в которой беларусизация является одним из программных процессов (см. таблицу 2). Строки матрицы представляют собой пространства, подлежащие окультуриванию и реорганизации отношений в них. Столбцы представляют собой окультуривающие процессы. На пересечении строк и столбцов находятся задачи Культурной политики.

Таблица 1. Матрица трансформационных процессов в Беларуси (начало

	Десоветизация	**Европеизация (регионализация в Восточной Европе или в Восточном партнерстве)**	**Глобализация и мировое разделение труда, специализация страны**
Политика	Продвижение в отказе от советской риторики и переход к современному языку описания проблем и политических процессов.	Развитее межгосударственных отношений со странами региона.	Переговорный процесс, заключение двух- и многосторонних соглашений.
Геополитика	Отказ от схем и подходов времен «холодной войны»	Участие в международных организациях и присоединение к основным соглашениям	Нормализация отношений с ЕС, СНГ, НАТО и др.
Право, Конституция	Приведение Конституции и законов в соответствие с современными стандартами и международными соглашениями.	Транспарентность законов для внешних партнеров, стабильность.	Транспарентность законов для внешних партнеров, стабильность.
Права человека	Выполнение международных норм и обязательств.	Выполнение международных норм и обязательств.	Выполнение международных норм и обязательств.
Социально-экономические и инфраструктурные преобразования	Соответствие европейским социально-экономическим стандартам.	Сравнительное положение среди стран региона.	Сравнительное положение среди стран региона и стран, близких по социально-экономическим показателям.
Экология	Распространение идеологии устойчивого развития	Совместные действия с другими странами в области защиты окружающей среды	Совместные действия с другими странами в области защиты окружающей среды
Гражданское общество	Соответствие европейским стандартам, усиление влияния ГО на политические процессы.	Участие ГО в региональных процессах.	Участие ГО в общемировых процессах.
Образование	Отказ от советского содержания образования.	Обмены и стандартизация образования.	Обмены и стандартизация образования.
СМИ	Деидеологизация СМИ.	Повышение качества СМИ и профессионализма журналистов.	Повышение качества СМИ и профессионализма журналистов.
Свобода перемещения (визовая политика)	Мобильность населения, снятие страха перед иностранцами, преодоление ксенофобии.	Интенсификация обменов.	Интенсификация обменов.

XXI века)

Научно-техническое развитие (6-й технологический уклад)	Совершенствование государственного управления	Экономическое развитие	Эволюция и разнообразие образов жизни
Страновые программы развития.	Участие политических партий в управлении государством, присутствие партий в парламенте, качественное развитие партий.	Страновые программы развития.	Деполитизация частной жизни, развитие политических процессов на локальном уровне.
Участие в коллективной безопасности и международных организациях.	Участие партий в международных политических структурах, согласование действий госорганов с международными институтами.	Взаимодействие с международными институтами (МВФ, ВБРР, ЕБРР, ВТО и др.).	Преодоление замкнутости и автаркии образа жизни.
Модернизация законодательства.	Модернизация законодательства.	Гарантии свободного предпринимательства, гарантии неприкосновенности собственности т.д.	Развитие законодательства в интересах граждан.
Выполнение международных норм и обязательств	Государственное гарантирование прав граждан и прав человека	Соблюдение прав человека на труд, трипартистские соглашения и т.д.	Развитие законодательства в интересах граждан
Модернизация стандартов и социальных институтов.	Совершенствование программ социально-экономического развития.	Социальная ориентация экономики, индексация и сравнение с другими странами (например, индекс Джинни и т.д.).	Индексирование качества жизни, развитие социально-экономических стандартов.
Развитие экологических технологий.	Включение экологических аспектов в принимаемые решения на государственном уровне.	Развитие экологических технологий и отраслей.	Гарантии экологической безопасности.
Расширение общественного влияния на сферу НТП.	Расширение влияния ГО на принимаемые решения, участие ГО в дискуссиях и подготовке государственных решений.	Участие ГО в процессах экономического развития, свобода предпринимательских объединений и ассоциаций.	Разнообразие образов жизни, проявления гражданской активности.
Развитие содержания образования, модернизация.	Гражданское образование, подготовка государственных служащих по современным программам.	Экономическая самостоятельность университетов, объемы бюджетных ассигнований на образование.	Развитие сферы образования в соответствии с разнообразием образов жизни и изменением качества жизни.
Модернизация.	Развитее взаимодействия СМИ и государственных структур и институтов.	Независимость СМИ.	Диверсификация СМИ в соответствии с разнообразием потребностей, с одной стороны, гарантии невмешательства СМИ в частную жизнь, с другой стороны.
Интенсификация научных и технических обменов.	Степень влияния государства на свободу перемещений, госпрограммы контроля миграционных процессов.	Свобода перемещения рабочей силы и капиталов.	Свобода выбора образа жизни.

Таблица 2. Матрица реализации программы Культурной политики

	Десоветизация	**Беларусизация**	**Европеизация**
«Университет»	Десоветизация институтов мышления.	Беларусизация институтов мышления.	Европеизация институтов мышления.
«Газета»	Десоветизация «экрана массового сознания».	Беларусизация «экрана массового сознания».	Европеизация «экрана массового сознания».
«Партия»	Десоветизация политики.	Беларусизация политики.	Европеизация политики.

Сноски:

1. См.: *Щедровицкий Г.П.* **Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодеятельностного подходов** // Вопросы методологии. — 1991. — № 1.
2. См.: *Мацкевич В.* **Думать Беларусь** // Культурная политика. — 1994. — № 0 [Электронный ресурс] // EuroBelarus.Info. — Веб-сайт Международного консорциума «ЕвроБеларусь». — Режим доступа (на 30.03.2014): http://eurobelarus.info/news/society/1994/12/12/dumat-belarus.html, свободный. — Загл. с экрана; *Мацкевич В.* **Постулаты и допущения** (1999) [Электронный ресурс] // Методология.Ву. — Веб-сайт АГТ-ЦСИ. — Режим доступа (на 30.03.2014): http://methodology.by/?p=1322, свободный. — Загл. с экрана.
3. См.: *Мацкевич В.* **Десоветизация: парадигматика и прагматика** // О десоветизации. Беларусь, начало XXI века: Материалы семинара-конференции, Шилуте (Литва), 20-24 августа 2007 г. — Мн., 2008.
4. См.: *Мацкевич В.*, *Барковский П.* **Университет: дискуссия об основаниях**. — Мн., 2011.
5. См.: **Што такое Лятучы ўниверситэт?** [Электронны рэсурс] // Лятучы ўніверсітэт. — Вэб-сайт адукацыйнай праграмы «Лятучы ўніверсітэт». — Рэжым доступу: http://fly-uni.org/pra-nas, вольны. — Загл. з экрана.
6. *Мацкевич В.* **«Матрица» оценки и мониторинга процессов трансформации и изменений в Беларуси** (2009).
7. См. книжные серии: «Беларусь для начинающих», «Universitas Ludens», «Культурная политика».

Беларусизация: подходы к анализу социального пространства

Татьяна Водолажская

Прежде чем обсуждать подходы к беларусскому обществу (социуму) в рамках процессов беларусизации, необходимо прояснить содержание самих этих рамок. Термин «беларусизация» наполняется самыми различными значениями в разных подходах и ситуациях. Он с неизбежностью сопряжен с ценностными и политическими коннотациями, и, что еще более усложняет ситуацию, его содержание исторично, т.е. неразрывно связано с изменениями культурной и социально-политической ситуации. Сейчас мы не можем переносить значение этого термина не только из контекста начала XX века, но даже рассуждать о беларусизации так же, как это делали в 1990-е годы. Само существование Республики Беларусь как независимого государства на протяжении двух десятков лет создает новые условия и контекст обсуждения. А происходящие события в Украине в режиме реального времени вносят свои коррективы в представления о сути процессов беларусизации.

В рамках системо-мыследеятельностного подхода (СМД-подхода), в котором работает автор, реализуется деятельностная установка и беларусизация рассматривается не как объективно-протекающий процесс, который требует описания, объяснения или понимания, а как практическая задача. И уже рамки данной задачи определяют содержание интеллектуальной и исследовательской работы, требующей ответов на вопросы: что необходимо знать, как и для чего исследовать? Таким образом, осмысленность и обоснованность суждений и выводов (в данном случае, в рамках исследования беларусского общества) не имеют отношения к тому, что и как обстоит «на самом деле». Это исследование и получаемое в нем знание есть необходимый компонент для решения практической задачи беларусизации.

В свою очередь, практическая цель и задача по ее достижению не могут быть абстрактными, общими и ничьими, как часто утверждают про некие объективные интересы Беларуси или беларусского народа. В данном случае, беларусизация — это практическая задача в рамках программы Культурной политики[1]. Эту программу реализует несколько общественных субъектов: в частности, Международный консорциум «ЕвроБеларусь», Летучий университет и др. В рамках этой программы беларусизация включена в общую схему, задающую этапы и направленность изменений Беларуси: десоветизация — беларусизация — европеизация. Здесь процесс беларусизации выступает необходимым элементом преобразования нашей страны из части советского пространства в современное независимое европейское государство и общество. Обозначив таким способом общую линию программного движения, мы вынуждены всякий раз обращаться к рефлексии и переосмыслению содержания обозначенных процессов, к анализу концептуальных и эмпирических оснований для действий в их рамках.

«Беларусизация» — от вопроса о существовании к совершеннолетию

С момента обретения Беларусью государственности культурная, политическая и интеллектуальная жизнь страны регулярно и напряженно обращается к вопросам: сформирована ли беларусская нация и по какой «модели» идет (должно идти) ее оформление, по каким лекалам будет скроена и достроена беларусская нация?[2] «Несформированность беларусской нации» более 20 лет выступала поводом для того, чтобы ставить беларусизации задачу смены советских институтов и советской идентичности на беларусскую. Эта задача рождала полемику, становилась основанием для исследовательской и концептуально-идеологической работы (национальные проекты как объект исследования и предмет развития). Вопрос четкости и ясности национальной идеи и устойчивости идентичности — в культурном или политико-государственном выражении — долгое время оставался краеугольным камнем жизни

беларусского общества. В этом контексте особенно актуальными были вопросы обоснованности разных моделей формирования наций и их адекватности нашим условиям. Эти модели рассматривались и сравнивались как в отношении «исторической и культурной оправданности», идей и логики развития страны, народа и региона, так и в отношении распространенности и поддержки (представления о национальной принадлежности, основания и устойчивость самоидентификации, общественное мнение)[3]. Также обсуждалась и исследовалась институциональное и символическое закрепление независимости государства и существования нации.

Однако, несмотря на отсутствие достигнутого консенсуса по вопросу о том, какой должна быть беларусская нация, мы можем зафиксировать, что параллельно неоконченному спору происходит формирование национальных институтов, распространение неких общих идей, символов и представлений, укрепление беларусской самоидентификации и т.д. На этом фоне всё менее осмысленным и со-временным является продолжение полемики о предпочтительности тех или иных проектов наций. Модус «построение/формирование/начало» не совсем адекватен ткани социальной, политической и культурной жизни, которая самим своим существованием взывает к смене этого модуса на иной.

Время противостояния проектов национального строительства закончено: созданные институты и содержание идентичности сформированы вне соответствия какому-либо из проектов и вне достижения общественного согласия. Обостряя оценку, можно сказать, что то, что получилось, не устраивает никого, но, несмотря на это, является фактом общей жизни.

Утверждение о формальном наличии всех необходимых компонентов национального существования требовало бы отдельного доказательства (данных, пояснений и т.д.), но это обоснование становится не столь существенным (хотя и притягательным, в смысле инвентаризации), если мы осознаем неадекватность самой

постановки вопроса о проектировании и построении наций в существующих условиях. Здесь речь не идет о постнациональном мире и неактуальности национальных категорий для мыслительного и деятельностного отношения. Отнюдь, речь идет об использовании в таком мышлении категорий строительства, создания, проектирования. Снова следует оговориться, что речь не идет о смене деятельностной, практической установки, например, на натурализацию процессов становления нации. Мы по-прежнему считаем актуальным использование категорий «нация» и «национальное» в современном мышлении и действии, по-прежнему опираемся в этом мышлении не на описывающий и объясняющий, но на практический, деятельностный подход. Однако и в этом подходе требуется содержательное изменение сути практики.

Мышление и практика, использующие «нацию» как «базовую единицу» современного мира, за время своего существования и интенсивной реализации стали, с одной стороны, тотальными и универсальными, а с другой — практически оестествились. Если утрировать и представить это метафорически, то «нация» стала «априорной категорией политической и социальной практики». Что это означает в рамках нашей темы? Что посреди Европы, на рубеже XX и XXI веков Беларусь, получив государственность, практически не имеет шансов не «стать нацией». При сохранении независимости, государственные институты будут иметь вид и характер национальных, будет сформирована идентичность, а содержанием национальной идеи (модели) будет некое компромиссно-усредненное соотношение различных компонентов: этнических, культурных, политических, территориальных и т.д. Можно сказать, что в начале XX века дооформление наций происходит инфраструктурно. Инфраструктура политического, социального и культурного полей (нормы, стандарты институтов, отношений и т.д.) придает форму нации любому независимому государственному образова-

нию, претендующему на то, чтобы нацией называться, и имеющему минимальные условия для этого*.

В рамках уже оформившихся государственности, институтов, идентичностей представляется неадекватным говорить о «формировании» и спорить о проектах. Означает ли это, что задача беларусизации может считаться уже решенной, хотя и неудовлетворительно? Вовсе нет, поскольку кроме характеристик, которые мы можем зафиксировать в тех или иных внешних, видимых критериях, мы должны задаться вопросом: способна ли эта организованность, которую мы называем беларусской нацией, быть ею? Так, по отношению к человеку, по всем параметрам вполне взрослому, мы задаемся вопросом о его совершеннолетии, т.е. о способности к самостоятельному и ответственному существованию. Таким же образом Кант задавался вопросом о «качестве» человечества, описывая суть Просвещения как переход его (человечества) в совершеннолетнее состояние — способность жить своим умом и быть ответственным за собственное настоящее и будущее, отвечать на вызовы, сохранять свою индивидуальность и т.д.

Мы можем признать беларусскую нацию существующей. Но можем ли мы считать ее совершеннолетней? У совершеннолетия, в таком значении, нет и не может быть, неких внешних постоянных характеристик и признаков, оно проявляется в ситуациях. Пожалуй, можно было бы описать это качество и состояние субъекта историей его решений, поступков, развития. Для такого коллективного субъекта, как нация (особенно не равного государству, представленному госаппаратом), это представляется трудной задачей, но

* До самых последних событий в Крыму мировой баланс геополитических отношений строился вокруг соглашений между национальными государствами, и основанием этих соглашений являлось право наций на самоопределение. Нарушение этих соглашений и разбалансировка отношений, с одной стороны, задает перспективу переустановления мировых отношений на иных базовых субъектах (пока не ясно каких), а с другой стороны — актуализирует не право, а состояние, качество наций и их способность не только к самостоятельному существованию, но и акторской позиции в условиях этого переустановления отношений.

исторические и современные нам прецеденты дают представление о таких решениях и поступках.

Совершеннолетие беларусской нации сегодня представляется весьма сомнительным. Осознанные политические и социокультурные решения, которые принимаются как собственный выбор и за последствия которых беларусы готовы признавать свою собственную ответственность, не украшают нашу национальную историю (по крайней мере, новейшую, где мы уже имели независимое национальное государство). Т.е. стремление к совершеннолетию может быть принято сегодня как задача развития беларусской нации, и эта задача составляет для нас суть процесса и задачи беларусизации на современном этапе.

Что и как мы знаем о беларусском обществе?

В рамках обозначенных задач зададимся вопросом: а что мы знаем о беларусском обществе в отношении его потенциала совершеннолетия и возможностей наращивания этого потенциала? Этот вопрос неизбежно влечет за собой следующий: как возможно оценить потенциал и в чем он выражается? Что мы должны знать? Предположим, что состояние совершеннолетия общества (нации) в значительной степени зависит от совершеннолетия ее граждан. Т.е. чем более граждане готовы жить своим умом, тем больше вероятность, что страна и нация не будут нерефлексивно воспроизводить в своих решениях, программах, действиях стандартные формы социальной, политический и культурной жизни, но будут искать решения, отвечающие представлениям о себе в будущем, и будут готовы сами их реализовывать.

Можно обратиться к нескольким формам схватывания сущности такого совершеннолетия в различных областях и контекстах размышления. Так, общий принцип, который описывает этот подход к миру, сформулирован в словах Рудольфа Лотце: «То, что должно быть, является основанием того, что есть». «Знак реально-

сти и значимости ставится не на явлениях и фактах, которые распространены и часто встречаются, а на том, что представляет собой проявление будущего в современности», — так раскрывает суть этого принципа Владимир Мацкевич[4] и вводит имя «ньюмейкер» (делателя нового). Этим именем обозначается определенный тип людей (групп), которые ориентируются на создание нового в обществе, культуре, политике, экономике. Они чаще всего оказываются в ситуациях «один против всех», но через собственную деятельность, поведение, формы мышления вносят инновации в жизнь общества.

В работах Йозефа Шумпетера сходное качество описывается как специфическая мотивация, которая движет «предпринимателем»[5]. Она отличает его от «капиталиста», ориентированного на прибыль, и «менеджера», выполняющего рутинные действия. Она вообще не зависит от классовой или социальной принадлежности. Этот тип людей движим стремлением к поиску новых комбинаций и их внедрению, к победе, к поиску, риску и независимости.

В культуре для обозначения такого рода людей используются взятое из мифологии слово «трикстер» или более позитивно окрашенное слово «денди». Трикстер — это божество или антропоморфное животное, не подчиняющееся общим правилам поведения. Трикстер совершает иногда злонамеренные поступки, вопреки существующим нормам. Но эффекты этих поступков обычно позитивные. Фигура денди также возникала как форма протеста и слома имеющихся культурных норм, а затем как особая форма поведения: демонстративного несения нового, нестандартного.

Для всех этих описаний неизменным остается несколько пунктов: 1) критическое отношение к традиции, наработанным нормам и их воспроизводству; 2) «использование» себя самого как носителя нового, как инструмента, с помощью которого это новое проникает в жизнь общества, в культуру; 3) и, в связи со всем этим,

полнота ответственности и готовность к принятию и участия в том будущем, которое определяет изменения.

Таким образом, беларусизацию как достижение совершеннолетия беларусской нации мы связываем с ростом и активизацией присутствия ньюмейкров в самых разных областях жизни страны. В связи с этим, важно построить такое представление о социальном пространстве Беларуси, которое будет размечено наличием и проявленностью таких субъектов (граждан, групп или сообществ), их связями и расположением относительно друг друга. Но для такого представления мы не имеем сегодня не только эмпирических данных, но социологической концептуализации. Имеющийся арсенал исследований в Беларуси в основном воспроизводит профессиональную, возрастную и прочие социальные структуры, связанные либо с формальными признаками (пол, возраст), либо с распределением экономического, социального и иных капиталов (доходы, тип занятости, коммуникативные стратегии и т.д.), либо с проявленными, а чаще — с позиционно-приписанными интересами-мотивами (интеллигенция, бизнес, элита и т.д.).

Можно ли соотнести характеристики ньюмейкеров (готовность к пересмотру, преодолению норм и стереотипов, их рефлексии и работы с ними) с теми или иными социальным группам в рамках этих описанных структур? Так, например, часто признают активность, готовность к переменам как генерализованную характеристику молодежи (авангарда преобразований), критичность и рефлексивность приписывают интеллигенции, а готовность к новаторству и инновациям бизнес-кругам. Вполне вероятно, что такое соотношение имеет под собой определенные как теоретические, так и эмпирические основания. Однако нам представляется неверным сам принцип такого рассуждения и соотнесения, когда интересующая нас характеристика не выступает основанием для разметки социального поля, а признается дополнительной, сопутствующей принципиально иному способу построения социального поля.

Здесь следует сделать небольшое методологическое отступление, связанное с отношением к любым онтологическим картинам, в том числе, представляющим социальные структуры и пространства. Несмотря на то, что современная наука давно отказалась от того, чтобы рассматривать те или иные способы схватывания ситуации как объективные, характеризующие общество, с точки зрения присущих ему неизменных характеристик, однако исследовательский (и тем более обывательский) дискурс по-прежнему апеллирует к таким характеристикам как к свойствам общества, а не как к характеристикам исследовательского метода и подхода. Поэтому, следует понимать, что, выделяя для анализа те или иные социальные слои (интеллектуалы, бизнес, чиновники и т.д.), исследователь имеет в качестве основания некую прагматику и контекст, в которых это выделение оправдано и осмысленно. Правда, нередко эти основания забываются и «слои» воспринимаются как естественные и объективные. Поэтому необходимо восстановление оснований и контекста формирования тех или иных онтологических картин, которые актуально используются для изучения беларусского и иных обществ.

Напомним, что наш интерес к социальному пространству Беларуси направляется задачей беларусизации, достижения совершеннолетия. Перечисленные выше и используемые для анализа беларусской ситуации категории организации социального поля, в основном, опираются либо на структурно-функциональное парсоновское представление об обществе как целостной, взаимоувязанной системе устойчивых отношений, либо на марксово представление о классах, «развитое» затем в соответствии с советскими реалиями. Задача поиска источника развития никак не попадает в рамки таких представлений.

Еще одна возможность опереться на имеющийся эмпирический материал — это ориентация на такие характеристики, как политические предпочтения, ценностные ориентации, а также разного рода оценки готовности к переменам или участия в протестных

действиях. Такого рода материалов хватает[6]. Целый ряд исследований общественного мнения включает в себя многолетние мониторинги ориентации населения на Европу или на Россию, оценку поддержки и лояльности к существующей власти или принадлежности к ее противникам. Нередко эти данные используют для интерпретации готовности и способности к изменениям, хотя отмечаемое изменение такого рода показателей (даже существенное) пока не отражается на внутренней политической и социальной ситуации. Это ставит под сомнение прогностическую ценность подходов, в основании которых лежат так или иначе описанные связи между недовольством и критикой и способностью к самостоятельным действиям, направленным на изменения.

Но главным аргументом, который не дает нам возможности опереться на такого рода данные, является то, что, несмотря на содержательную противоположность ценностных установок, тем не менее, они в равной мере предполагают трансляцию и воспроизводство определенных норм мышления и действия. Наша задача, наоборот, связана с выявлением тех, кто не реализует, но готов работать с нормами. Здесь уместно вспомнить о различии самостоятельного развития и модернизации. Модернизация предполагает достижение заданных характеристик общественного развития, движение по проторенному пути. Самостоятельное развитие, которые мы соотносим с совершеннолетием, включает в себя самостоятельную же постановку целей и ориентиров, в том числе и таких, которых еще не было в общественной практике. Т.е. создание уникальных, новых норм и стандартов. Для этого необходимо установка не столько на следование норме (пусть и крайне перспективной в нынешней ситуации), но готовность эту норму нарушать ради создания нового.

Сегодня в Беларуси мы можем наблюдать сосуществование на одном социальном и институциональном пространстве не только разных, но противоположных ценностно-нормативных систем. Институты, в рамках которых воспроизводятся противоположные

ценности, сосуществуют, хоть и не равноправно, но вполне легально. Т.е. граждане страны, имея претензии к актуальному общественному устройству, уже сейчас имеют возможность быть включенными в альтернативное общественное устройство через учебу или работу в системе местных и зарубежных организаций. И эта система дает возможность социализации, выстраивания карьеры и т.д. Она не подпольная и временная, это воплощенное желаемое будущее (хотя и не в полной мере). Сосуществование этих различных институтов создает условия для стремления к сохранению статус-кво. Чем дольше длится это сосуществование, тем больше новых поколений втягиваются в такую систему отношений. Установка на переустройство и поиск новых, уникальных ходов развития, скорее, противостоит встроенности в существующие институты. Таким образом, ценностные приоритеты и желание перемен не имеют прямой связи с искомой нами характеристикой.

Итак, исследование социального пространства в рамках задачи беларусизации должно строиться на собственных концептуальных основания. В качестве идеальных типов, как инструментов опознания и фиксации места в социальном пространстве, могут быть использованы: «ньюмейкер», «норма», «маргинал». Причем к «норме» мы можем относить всех субъектов (людей, сообщества, организации), которые в своих установках ориентированы на воспроизводство уже известных и реализуемых норм мышления и деятельности. «Маргиналы» реализуют установки на выживание и лавирование между разными нормами, без приверженности или осмысленного отношения к ним. «Ньюмейкеры» же ориентированы на инновации.

Однако, обсуждая подходы к исследованию общества в рамках беларусизации, недостаточно обозначить, что мы хотим знать. Второй и не менее важный вопрос состоит в том, как возможно получение такого знания. Традиционный научный подход ориентирован на онтологическое, объектное, измеряющее знание. В нашем случае востребован иной тип знания — техническое, ин-

женерное. Ведь вопрос не в том, чтобы измерить объективные характеристики инновативности общества, а в том, чтобы получить разметку социального пространства, пригодную для практики беларусизации. А значит, и получение этого знания должно быть сопряжено с практическими задачами.

Здесь необходимо обозначить различие в логике построения объектно-научного и технического (инженерного) типа знаний. Научное знание движется от теоретико-эмпирического исследования к формулированию закономерностей, затем к построению на их основании процедур действия с объектом и формированию технологии. Инженерный подход движется от действий и процедур с материалом к выстраиванию технологии, а затем к исследованию отношений между деятелем и «материалом» и формулированию тенденций и закономерностей.

По отношению к гуманитарным объектам инженерно-технический тип знания возможен в рамках исследования действием[7]. Это практическая деятельность, в которой удерживаются два фокуса: деятельностный и исследовательский. Исследование действием предполагает, что исследователь сам определяется в социальном пространстве и вступает в отношения с иными субъектами, действуя как ньюмейкер. Затем он рефлексивно оценивает свои действия, произведенные изменения и тот отклик, который он получает от других субъектов. Оформляя, верифицируя и фальсифицируя полученные знания, исследователь получает не только практический эффект, но и представление о социальном пространстве, с точки зрения задач беларусизации.

Подводя итоги рассуждений, следует зафиксировать следующее:

- практическая задача беларусизации сегодня связана с проявлением и усилением установок на ньюмейкерство в беларусском обществе;

- исследуя социальное пространство, необходимо удерживать две интенции: первая — непосредственно выявление, обозначение и разметка социального пространства Беларуси, обязанного своей структурой характеру отношения социальных субъектов к нормам культуры; вторая — развитие, легитимация и введение в оборот технического типа знания о социально-гуманитарных объектах.

Сноски:

1. См.: *Мацкевич В.* **Думать Беларусь** // Культурная политика. — 1994. — № 0 [Электронный ресурс] // EuroBelarus.Info. — Веб-сайт Международного консорциума «ЕвроБеларусь». — Режим доступа (на 30.03.2014): http://eurobelarus.info/news/society/1994/12/12/dumat-belarus.html, свободный. — Загл. с экрана.
2. Дискуссии, разворачивавшиеся в течение последних 20 лет, отображены в следующих публикациях: *Булгаков В.* **История белорусского национализма**. — Вильнюс, 2006; *Бабкоў І.* **Генеалогія беларускай ідэі** // Arche. — 2005. — № 3; *Рудкоўскі П.* **Ад ідэнтычнасці да саборнасці** // Arche. — 2006. — № 1-2; *Казакевіч А.* **Беларуская сістэма: марфалогія, фізіялогія, генеалогія** // Arche. — 2004. — № 4; *Казакевіч А.* **Канцэпцыі (ідэі) беларускай нацыі ў перыяд незалежнасці, 1990-2009** // Палітычная сфера. — 2010. — № 14; *Миненков Г.* **Европейская идентичность как горизонт белорусского воображения** // Перекрестки. — 2006. — № 3-4, и др.
3. См.: *Науменко Л.* **Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая специфика**. — Мн., 2012; *Ластоўскі А., Яфімава Н.* **Вытокі нацыянальнай дзяржаўнасці ў беларускай гістарычнай памяці** // Arche. — 2013. — № 2; **Вынікі сацыялагічнага даследавання «Нацыянальная ідэнтычнасць вачамі беларусаў: хто мы і якімі мы будзем?»** [Электронны рэсурс] // Budzma.Org. — Веб-сайт Грамадскай культурніцкай кампаніі «Будзьма беларусамі!». — 14.10.2009. — Рэжым доступу (на 30.03.2014): http://budzma.org/socium/pres-reliz-pa-vynikakh-prezyentacyi-sacyyalahichnaha-daslyedvannya-nacyyanalnaya-identychnasc-vachami

-byelarusaw-khto-my-i-yakimi-my-budzyem.html, вольны. — Загал. з экрана.
4. См.: *Мацкевич В.* **Вопреки очевидности**. — СПб, 2006. — С. 155.
5. См.: *Шумпетер Й.* **Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия**. — М., 2007.
6. См.: **Polling Memo: белорусы хотят реформ, а не революции** [Электронный ресурс] // Беларусский институт стратегических исследований. — Официальный веб-сайт. — Режим доступа (на 30.03.2014): http://belinstitute.eu/ru/node/158, свободный. — Загл. с экрана; **Индекс проевропейской интеграции** [Электронный ресурс] // Компания «NOVAK». — Официальный веб-сайт. — 16.12.2013. — Режим доступа (на 30.03.2014): http://www.novak.by/analitics?graph=91, свободный. — Загл. с экрана.
7. Об исследовании действием как методе: *Мацкевич В.* **Беларусская демократия вопреки очевидности**. — Мн., 1996; **Игра в города: по материалам экспедиций в малые города Беларуси** / Сост., науч. ред. *Т. Водолажская*. — Мн., 2009.

Теории демократизации. Краткое изложение состояния проводимых исследований

Мартин Брусис

Несмотря на значительный рост объема сравнительных исследований на тему демократизации после целого ряда политических переходов, произошедших в Восточной Европе в 1989-90 годах [*Merkel*, 2010], ученые до настоящего времени не пришли к согласию относительно комплекса созвездий действующих лиц и стратегий, которые являлись бы необходимыми и достаточными для установления и упрочения демократических институтов. Тогда как в ранних исследованиях подчеркивалось значение заключения пактов между реформаторами внутри правящей элиты и умеренными лидерами оппозиции [*O'Donnell & Schmitter*, 1986; *Przeworski*, 1991], в более поздних исследованиях упор делался на том, что стабильная демократия возникла только на базе таких созвездий, в которых демократические политические деятели доминировали над силами авторитарного режима [*McFaul*, 2002]. Явная консолидация после второй половины 1990-х годов политических режимов, расположенных между полной демократией и полной автократией, привела к возрождению структурных подходов [*Doorenspleet*, 2005; *Hale*, 2013; *Levitsky & Way*, 2010; *Møller & Skaaning*, 2009; *Przeworski & Group on East-South Systems Transformations*, 1995; *Przeworski et al.*, 2000; *Schneider* 2009]. Такие попытки объяснения рассматривают конфликты государственности, социально-экономические условия и культурное наследие в качестве более важных факторов смены режимов, чем деятельность политических элит.

Политические переходы (преобразования, трансформации) в Центральной и Восточной Европе наглядно демонстрируют то, как территориальные конфликты между государствами, которые только что получили независимость, могут значительно усложнить и даже полностью затормозить процесс демократизации [*Offe*, 1994;

Linz & Stepan, 1996]. Все три социалистические федерации распались, когда политический плюрализм ослабил позиции федеральных политических элит и сделал возможной националистическую мобилизацию в политико-административных единицах данных стран [*Beissinger* 2004; *Bunce* 1999]. Однако это не означает, что процесс демократизации обречен на неудачу в государствах, в которых, помимо титульной нации, проживает большое число людей иной национальности, что подтверждается успешным опытом преобразований в Болгарии, Эстонии, Латвии, Сербии (после Милошевича) и Словакии (после Мечьяра) [*Fish & Kroenig*, 2006; *Merkel & Weiffen*, 2012; *O'Leary*, 2001; *Schmitter*, 2010]. Более того, можно утверждать, что рост национального самосознания и мобилизация по этническому признаку в чем-то даже способствовали демократизации, особенно на постсоветской территории, поскольку именно они предоставили политическим элитам необходимые козыри для полного разрыва с советским режимом и, таким образом, явились актом национального самоопределения [*Beissinger*, 2008].

В условиях политического соревнования межэтнические различия обостряются и политизируются. Рост национального самосознания и мобилизация по этническому признаку могут либо вылиться в острый этнополитический конфликт, либо привести к мирным договоренностям о разделении власти. Выбор между этими альтернативами обусловлен несколькими факторами, среди которых: глубина расслоения общества по этническому и экономическому признакам; политика, проводимая политическими элитами; поддержка или неприятие этнического разнообразия на государственном уровне; отношение государства к своим соотечественникам, которые проживают в других странах, в которых они являются этническим меньшинством; взаимозависимость конфликтов между соседствующими государствами и внешних стимулов для политической интеграции [*Heinemann-Grüder*, 2011; *Stepan et al.*, 2011]. Приходится констатировать, что мы до сих пор не обладаем систематизированным знанием о том, каким образом данные

факторы влияют на процесс демократизации в новых демократических государствах.

В центре внимания последних сравнительных исследований в особенности находится одно значимое социально-экономическое условие — экономическое неравенство [*Boix*, 2003; *Acemoglu & Robinson*, 2006; *Haggard & Kaufman*, 2012; *Houle*, 2009]. Одной из главенствующих теоретических идей такой литературы является то, что демократически избранные правительства производят распределение от политических элит в пользу большинства граждан. Следовательно, переход к демократии интерпретируется как обязательство со стороны авторитарных политических элит принять такое перераспределение. Рост неравенства при авторитарных политических режимах способствует тому, что граждане начинают угрожать находящейся при власти группе революцией, которая приведет к перераспределению [*Acemoglu & Robinson*, 2006]. Согласно этой теории, правящие элиты могут ответить репрессиями, но могут и сделать выбор в пользу демократии, если цена репрессий будет выше цены перераспределения. Правящие элиты склонны предпочесть демократическое правление при наличии промежуточного уровня экономического неравенства. Такой уровень склоняет граждан угрожать революцией, ограничивая при этом потери в доходах, которых элиты должны бояться в случае демократии.

К сожалению, эта теория пока что не в состоянии указать пороги неравенства, которые обеспечили бы политический переход. На более фундаментальном уровне ее критики утверждают, что политический конфликт во время перехода касается не перераспределения, а защиты прав собственности и других гражданских прав от вмешательства государства [*Ansell & Samuels*, 2010]. С такой точки зрения демократизация являет собой контракт между социальной группой (буржуазией, в контексте исторических реалий Запада) и авторитарными правителями о правах и правилах участия в целях защиты граждан от произвола государственного вмешатель-

ства [*Gill*, 2011]. В контексте исторических траекторий демократизации на Западе этой общественной группой явилась буржуазия [*Moore*, 1967]. Эта «контрактная» точка зрения указывает на наличие связи между ростом экономического неравенства и вероятностью демократизации, так как рост неравенства свидетельствует о возникновении класса, наделенного собственностью, и интереса к защите собственности [*Remington*, 2011].

Демократические прорывы, произошедшие в Сербии, Грузии, Украине и Кыргызстане, вызвали новую волну теоретизирования о роли политических деятелей при сменах режимов. В связи с тем, что толчком к переменам во всех этих случаях стали массовые протесты против жульнических выборов, исследователи стали заявлять, что ключевым актером демократических перемен является мобилизованное гражданское общество, а не авторитарные реформаторы или изолированные от общества оппозиционные группы [*Beissinger*, 2013; *Bunce & Wolchik*, 2011; *Hale*, 2006; *Lindberg*, 2009; *Stykow*, 2010]. Выборы представляют собой возможность для мобилизации и могут стать символом как силы демократического движения, так и нелегитимности правящих элит [*Stykow*, 2013].

В сравнительных исследованиях таких «демократизирующих выборов» [*Bunce & Wolchik*, 2011] было определено несколько факторов в качестве решающих для смены режима. Основные оппозиционные партии смогли образовать стабильный альянс. Этот альянс тесно сотрудничал с группами гражданского общества, во-первых, чтобы убедить избирателей принять участие в выборах, а во-вторых, для контроля над избирательным процессом. Для привлечения граждан к массовым общественным протестам против «украденных выборов», предшествовавших передаче власти, понадобилась широкая мобилизация и наличие убедительных доказательств фальсификации выборов. Кроме того, правящие группировки недооценивали свою электоральную поддержку и свою способность к «корректировке» впоследствии результатов выборов. В случае Грузии, Украины и Кыргызстана решающие выборы совпали

с переходом власти от долго действовавшего президента к назначенному им преемнику. Такая ситуация создавала дополнительную неуверенность в правящих элитах, приводя их к разобщению и последующему перебеганию некоторых групп элит перед лицом общественных протестов.

Ранний успех демократизирующих выборов, явные параллели между странами и ограниченность усилий по проведению таких кампаний способствовали распространению такой «электоральной модели перехода» [*Bunce & Wolchik*, 2006, 2010], чему способствовало активное западное сообщество поборников демократии [*McFaul*, 2010]. Однако, как кажется, авторитарные правители также извлекли урок из существующих примеров и разработали стратегии сдерживания мобилизации гражданского общества [*Beissinger*, 2007]. Кроме того, опросы общественного мнения указывают на низкую степень сплоченности массовых протестных движений, в силу широкого разброса идей и взглядов, присущих разным участникам таких движений [*Beissinger*, 2013].

Другие ученые по-прежнему считают, что элиты в деле политического перехода имеют большее значение, чем гражданское общество. Они ожидают возникновения перехода в результате сотрудничества между либеральными реформаторами внутри государственной власти и экономическими элитами внутри общества. Одной из основополагающих идей в данной сфере исследований является то, что авторитарное правление поддерживается с помощью целой сети отношений по типу непотистского, кумовского обмена [*Collins*, 2006; *Grindle*, 2012; *Hicken*, 2011; *Keefer*, 2007; *Kitschelt & Wilkinson*, 2006; *Kononenko & Moshes*, 2011]. Политическая власть обеспечивает доступ к государственным ресурсам и возможностям для частного бизнеса в обмен за политическую лояльность и воздержание. В целях укрепления дисциплины и поддержания обусловленного характера предоставленных прав и ресурсов политическое руководство избирательно наказывает явных перебежчиков

из стана экономической элиты [*Brusis*, 2013]. Это возможно, если на пути экономических элит, желающих предпринять согласованные коллективные действия против таких избирательных репрессий, существуют препятствия [*Guriev & Sonin*, 2009].

Как кажется, такая сеть патронажа, лежащая в основе авторитарного правления, поддерживается с помощью ренты, взымаемой с природных ресурсов и крупных государственных секторов [*Domjan & Stone*, 2010; *Franke et al.*, 2009; *Gel'man & Marganiya*, 2010]. И, напротив, частный сектор экономики ассоциируется с демонополизацией и рассредоточением власти [*Aslund*, 2009; *Fish & Choudhry*, 2007]. Одним из лейтмотивов приватизации государственных активов в бывших социалистических государствах Восточной Европы было предоставление возможности политическим элитам конвертировать свой социально-политический капитал в экономический [*Hankiss*, 1989]. Считалось, что данный процесс при всем нарушении принципов социальной справедливости приведет к замене политических элит и разделу экономической и политической сфер [*Staniszkis*, 1991]. Однако новые капиталисты продолжали находиться в зависимости от политического патронажа, а также часто предпочитали защищать свои материальные интересы путем поддержки политического руководства. Новые капиталисты не доверяли рынкам, а также только что созданным судам и новому бюрократическому аппарату, призванным защищать рыночные устои, поэтому деятельность данных регулирующих механизмов так и не привела ни к каким эффективным результатам. Новые частные предприниматели представляются «условными демократами» в том смысле, что не привержены глубоко демократии [*Bellin*, 2000; *Junisbai*, 2012].

Какие факторы способствуют созданию альянса между такими капиталистами и либеральными реформаторами внутри правительства? Одним из факторов может быть распространение малых и средних предприятий [*Yakovlev*, 2013; *Zudin*, 2013]. Как правило, у таких бизнесов не хватает ресурсов и личных связей, требующихся

для поддержания отношений патронажа с влиятельными политическими деятелями. Они могли бы получить пользу от коллективных и общественных стратегий защиты своих деловых интересов, которые привели бы к укреплению независимости судов и непредвзятости государственной администрации.

Еще одним фактором может быть «рейдерство». Перед лицом экспроприации со стороны деятелей государства и режима капиталисты могут предпочесть перебежку в стан политической оппозиции [*Junisbai*, 2012]. Такие перебежки наблюдались в связи с образованием политических партий в нескольких постсоветских странах [*Aslund*, 2006; *Gould & Hetman*, 2008; *Radnitz*, 2010]. Поэтому наряду с декларированной целью стремления подотчетности государственной власти гражданам кампании против коррупции среди государственных чиновников можно также рассматривать как политику, направленную против излишне хищного поведения в отношении капиталистов.

Третьим важным фактором, как кажется, является повышение мобильности капитала [*Boix*, 2003; *Freeman & Quinn*, 2012]. Капиталисты, способные переводить за рубеж свои активы, могут лучше защитить себя от рейдерского захвата своих компаний. Кроме того, у них меньше стимулов в пользу соучастия в патронажных схемах. Однако, вероятно, такой вариант выхода снижает также их стимулы в пользу поддержки протестов оппозиции. Перевод бизнеса в другую страну может оказаться намного менее рискованным делом, чем уход в оппозицию. Тем не менее, как представляется, мобильность капитала придает силы реформаторам внутри правительства, так как те могут более убедительно защищать господство права в качестве орудия предотвращения бегства капитала, необходимого для модернизации экономики. С учетом глобализации национальных экономик сегодня вряд ли целесообразно сдерживать мобильность капитала административно-нормативными ме-

рами, направленными, например, на запрет зарубежных банковских счетов или на деофшоризацию частного бизнеса.

Взаимосвязанным, четвертым фактором в поддержку коалиции между капиталистами и либеральными реформаторами являются иностранные инвестиции [*Geddes*, 2007]. В связи с тем, что политическим элитам иностранные инвестиции необходимы для модернизации экономики, а также для достижения экономического роста и развития, у них появляются стимулы в пользу уважения и защиты прав собственности у иностранных инвесторов. В этих целях требуется проведение политики укрепления независимости и профессионализма судов, а также надежности и беспристрастности государственной администрации. В свою очередь, такая политика, вероятно, вызовет эффекты перетекания в интересах защиты гражданских свобод и подотчетности власти в качестве ключевых элементов либеральной демократии.

Однако же такие эффекты могут носить ограниченный характер. Межнациональные корпорации со штаб-квартирами на Западе продвижению демократической подотчетности могут предпочесть покупку для себя индивидуальной защиты. Политическое руководство может стремиться к разделению государственного сектора, основанного на патронаже, от рыночного частного сектора. Укрепление правопорядка будет ограничено только частным сектором, обеспечивая стабильную и надежную деловую среду, тогда как государственный сектор продолжит функционирование в соответствии с логикой взаимоотношений личного обмена, выступная в качестве материально-общественной базы правящей элиты [*Junisbai*, 2010]. Демократизирующие эффекты перетока могут также оказаться ограниченными глубоко укоренившимися в местной системе культуры верованиями, определяющими, например, что Россия — это не «Запад» [см., напр., *Huskey*, 2013]. Такая мнимая «инакость» может выступать в качестве мощного орудия легитимизации для того, чтобы объяснить и обосновать, почему нельзя пе-

ренести западные модели либеральной рыночной экономики и демократии.

В целом, существующие теории демократизации пока еще не пришли к согласию о том, является ли необходимым и достаточным для перехода к демократии факт наличия договоренности между реформаторами и оппозиционными группами, мобилизированным гражданским обществом или коалицией реформаторов в элите. Также продолжаются споры о том, преследуют ли акторы трансформаций личные экономические интересы или же их поведение может быть объяснено фактором усиления зависимости экономик стран от глобальных экономических процессов. Ученые, которые считают, что фактор экономических интересов является основополагающим, спорят о том, касается ли конфликт правящей элиты с оппозицией, стремящейся к власти, прежде всего, распределения доходов или же защиты прав собственности. В то время как большинство исследователей сходится во мнении, что экономическая глобализация изменила внутреннюю политическую экономику авторитарных режимов, остается неясным, смогут ли эти режимы разработать эффективные долгосрочные стратегии, которые позволят им избежать политической дестабилизации и/или справиться с ее последствиями.

Список литературы:

1. Acemoglu, Daron, and James A. Robinson. 2006. Economic Origins of Dictatorship and Democracy. New York: Cambridge University Press.
2. Acemoglu, Daron, and James A. Robinson. 2006. Economic Origins of Dictatorship and Democracy. New York: Cambridge University Press.
3. Ansell, Ben, and David Samuels. 2010. “Inequality and Democratization: A Contractarian Approach.” Comparative Political Studies 43 (12):1543-74.
4. Aslund, Anders. 2006. “The Ancien Régime: Kuchma and the Oligarchs.” In Revolution in Orange, ed. A. Aslund and M. McFaul. Washington D.C.: Carnegie Endowment.

5. Aslund, Anders. 2009. How Ukraine Became a Market Economy and Democracy. Washington: Peterson Institute for International Economics.
6. Beissinger, Mark R. 2004. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
7. Beissinger, Mark R. 2007. "Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions." Perspectives on Politics 5 (2):259-76.
8. Beissinger, Mark R. 2008. "A New Look at Ethnicity and Democratization." Journal of Democracy 19 (3):85-97.
9. Beissinger, Mark R. 2013. "The Semblance of Democratic Revolution: Coalitions in Ukraine's Orange Revolution." American Political Science Review 107 (3):574-92.
10. Bellin, Eva Rana. 2000. "Contingent Democrats: Industrialists, Labor, and Democratization in Late-Developing Countries." World Politics 52 (2):175-205.
11. Boix, Carles. 2003. Democracy and Redistribution. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Brusis, Martin. 2013. "Staat und Wirtschaftsakteure in postsowjetischen elektoralen Autokratien." Politische Vierteljahresschrift 47 (Sonderheft):298-323.
13. Bunce, Valerie. 1999. Subversive Institutions. The Design and the Destruction of Socialism and the State. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Bunce, Valerie J., and Sharon L. Wolchik. 2006. "International Diffusion and Postcommunist Electoral Revolutions." Communist and Post-Communist Studies 39 (3):283-304.
15. Bunce, Valerie J., and Sharon L. Wolchik. 2010. "Defeating Dictators. Electoral Change and Stability in Competitive Authoritarian Regimes." World Politics 62 (1):43-86.
16. Bunce, Valerie J., and Sharon L. Wolchik. 2011. Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Collins, Kathleen. 2006. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Domjan, Paul, and Matt Stone. 2010. "A Comparative Study of Resource Nationalism in Russia and Kazakhstan 2004-2008." Europe-Asia Studies 62 (1):35-62.

19. Doorenspleet, Renske. 2005. Democratic Transitions. Exploring the Structural Sources of the Fourth Wave. Boulder [u.a.]: Rienner.
20. Fish, M. Steven, and Omar Choudhry. 2007. "Democratization and Economic Liberalization in the Postcommunist World." Comparative Political Studies 40 (3):254-82.
21. Fish, M. Steven, and Matthew Kroenig. 2006. "Diversity, Conflict and Democracy: Some Evidence from Eurasia and East Europe." Democratization 13 (5):828-42.
22. Franke, Anja, Andrea Gawrich, and Gurban Alakbarov. 2009. "Kazakhstan and Azerbaijan as Post-Soviet Rentier States: Resource Incomes and Autocracy as a Double 'Curse' in Post-Soviet Regimes." Europe-Asia Studies 61 (1):109-40.
23. Freeman, John R., and Dennis P. Quinn. 2012. "The Economic Origins of Democracy Reconsidered." American Political Science Review 106 (1):58-80.
24. Geddes, Barbara. 2007. "What Causes Democratization?" In The Oxford Handbook of Comparative Politics, ed. C. Boix and S. Stokes. Oxford: Oxford University Press.
25. Gel'man, Vladimir, and Otar Marganiya, eds. 2010. Resource Curse and Post-Soviet Eurasia. Oil, Gas, and Modernization. Lanham: Lexington Books.
26. Gill, Graeme. 2011. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. Cambridge: Cambridge University Press.
27. Gould, John A., and Yaroslav Hetman. 2008. "Market Democracy Unleashed? Business Elites and the Crisis of Competitive Authoritarianism in Ukraine." Business and Politics 10 (2):1-33.
28. Grindle, Merilee. 2012. Jobs for the Boys. Patronage and the State in Comparative Perspective. Harvard: Harvard University Press.
29. Guriev, Sergei, and Konstantin Sonin. 2009. "Dictators and Oligarchs: A Dynamic Theory of Contested Property Rights." Journal of Public Economics 93 (1):1-13.
30. Haggard, Stephan, and Robert R. Kaufman. 2012. "Inequality and Regime Change: Democratic Transitions and the Stability of Democratic Rule." American Political Science Review 106 (3):495-516.
31. Hale, Henry E. 2006. "Democracy or Autocracy on the March? The Colored Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism." Communist and Post-Communist Studies 39 (3):305-29.

32. Hale, Henry E. 2013. “Regime Change Cascades: What We Have Learned from the 1848 Revolutions to the 2011 Arab Uprisings.” Annual Review of Political Science 16:331-53.
33. Hankiss, Elemér. 1989. East-European Alternatives. Oxford: Oxford University Press.
34. Heinemann-Grüder, Andreas. 2011. Föderalismus und Konfliktregelung. Indien, Russland, Spanien und Nigeria im Vergleich. Leverkusen: Barbara Budrich.
35. Hellman, Joel S. 1998. “Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Post-Communist Transitions.” World Politics 50 (2):203-54.
36. Hicken, Allen. 2011. “Clientelism.” Annual Review of Political Science 14:289-310.
37. Houle, Christian. 2009. “Inequality and Democracy. Why Inequality Harms Consolidation but Does Not Affect Democratization.” World Politics 61 (4):589-622.
38. Huskey, Eugene. 2013. “Legitimizing the Russian Executive: Identity, Technocracy, and Performance.” In Power and Legitimacy — Challenges from Russia, ed. P.-A. Bodin, S. Hedlund and E. Namli. London / New York: Routledge.
39. Junisbai, Barbara. 2010. “A Tale of Two Kazakhstans: Sources of Political Cleavage and Conflict in the Post-Soviet Period.” Europe-Asia Studies 62 (2):235-69.
40. Junisbai, Barbara. 2012. “Improbable but Potentially Pivotal Oppositions: Privatization, Capitalists, and Political Contestation in the Post-Soviet Autocracies.” Perspectives on Politics 10 (4):891-916.
41. Keefer, Philip. 2007. “Clientelism, Credibility, and the Policy Choices of Young Democracies.” American Journal of Political Science 51 (4):804-21.
42. Kitschelt, Herbert, and Steven I. Wilkinson, eds. 2006. Patrons, Clients, and Policies. Patterns of Democratic Accountability and Political Competition. Cambridge: Cambridge University Press.
43. Kononenko, Vadim, and Arkady Moshes, eds. 2011. Russia as a Network State. What Works in Russia When State Institutions Do Not? Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
44. Levitsky, Steven, and Lucan A. Way. 2010. Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes After the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press.
45. Lindberg, Staffan, ed. 2009. Democratization by Elections: a New Mode of Transition. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.

46. Linz, Juan J., and Alfred Stepan. 1996. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
47. McFaul, Michael. 2002. "The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship. Noncooperative Transitions in the Postcommunist World." World Politics 54 (2):212-44.
48. McFaul, Michael. 2010. "The Missing Variable. The "International System" as the Link between Third and Fourth Wave Models of Democratization." In Democracy and Authoritarianism in the Postcommunist World, ed. V. J. Bunce, M. McFaul and K. Stoner-Weiss. Cambridge: Cambridge University Press.
49. Merkel, Wolfgang. 2010. Systemtransformation. Eine Einführung in die Theorie und Empirie der Transformationsforschung. 2nd, revised and expanded edition ed. Opladen: UTB.
50. Merkel, Wolfgang, and Brigitte Weiffen. 2012. "Does Heterogeneity Hinder Democracy?" Comparative Sociology 11 (3):387-421.
51. Møller, Jørgen, and Svend-Erik Skaaning. 2009. "The Three Worlds of Post-Communism: Revisiting Deep and Proximate Explanations." Democratization 16 (2):298-322.
52. Moore, Barrington. 1967. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. London: Allen Lane the Penguin Press.
53. O'Donnell, Guillermo, and Philippe Schmitter. 1986. Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. 2. ed. Baltimore: John Hopkins University Press.
54. O'Leary, Brendan. 2001. "An Iron Law of Nationalism and Federation?: A (Neo-Diceyian) Theory of the Necessity of a Federal Staatsvolk, and of Consociational Rescue (Ernest Gellner Nationalism Lecture)." Nations and Nationalism 7 (3):273-96.
55. Offe, Claus. 1994. Der Tunnel am Ende des Lichts. Erkundungen der politischen Transformation im Neuen Osten. Frankfurt/New York: Campus.
56. Przeworski, Adam. 1991. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press.
57. Przeworski, Adam, Michael E. Alvarez, José Antonio Cheibub, and Fernando Limongi. 2000. Democracy and Development. Political

Institutions and Well-Being in the World, 1950-1999. Cambridge: Cambridge University Press.

58. Przeworski, Adam, and Group on East-South Systems Transformations. 1995. Sustainable Democracy. Cambridge, England ; New York: Cambridge University Press.
59. Radnitz, Scott. 2010. Weapons of the Wealthy. Predatory Regimes and Elite-Led Protests in Central Asia. Ithaca, NY: Cornell University Press.
60. Remington, Thomas F. 2011. The Politics of Inequality in Russia. Cambridge: Cambridge University Press.
61. Schmitter, Philippe. 2010. “Twenty-Five Years, Fifteen Findings.” Journal of Democracy 21 (1):17-28.
62. Schneider, Carsten Q. 2009. The Consolidation of Democracy: Comparing Europe and Latin America. Milton Park, Abingdon; New York: Routledge.
63. Staniszkis, Jadwiga. 1991. Dynamics of Breakthrough. Berkeley: University of California Press.
64. Stepan, Alfred, Juan J. Linz, and Yogendra Yadav. 2011. Crafting State-Nations. India and Other Multinational Democracies. Baltimore: Johns Hopkins Unversity Press.
65. Stykow, Petra. 2010. “Bunte Revolutionen” — Durchbruch zur Demokratie oder Modus der autoritären Systemreproduktion?” Politische Vierteljahresschrift 51 (1):137-62.
66. Stykow, Petra. 2013. “Wahlen in autoritären Regimen.” Politische Vierteljahresschrift 47 (Sonderheft):298-323.
67. Yakovlev, Andrei. 2013. “V poiskakh novoj social'noj bazy, ili Pochemu rossijskaya vlast' menyaet otnoshenie k biznesu.” Obshchestvennye nauki i sovremennost’ 38 (2):5-14.
68. Zudin, Aleksej. 2013. “Biznes i gosudarstvo v Rossii: opyt primeneniia podkhoda Norta-Uollisa-Vai'ngasta. Obshchestvennye nauki i sovremennost' 38 (2013):15-31.

Стварэнне нацыянальнай гісторыі ў Беларусі: як далёка мы адыйшлі ад XIX стагоддзя

Аляксей Ластоўскі

Размова пра беларусізацыю напачатку XXI стагоддзя адразу ж патрапляе ў шырокі і насычаны кантэкст дыскусій пра нацыянальныя ідэнтычнасці, глабалізацыю, універсальнае і партыкулярнае і г.д. Гэтых спрэчак у беларускім выпадку таксама не абмінуць, патрэбна нейкае вызначэнне пазіцый, наколькі мы гатовыя падтрымліваць мадэрнісцкія праекты нацыябудаўніцтва, ці намерваемся іх пераглядаць (а можа, і адкідваць?) згодна з патрабаваннямі постмадэрнага духу.

У гэтых дыскусіях ясна вымалёўваюцца два скрайнія полюсы: першы — радыкальная рэстаўрацыя беларускай нацыі на этнакультурных падставах з выключэннем іншых моўных і культурных магчымасцей; на другім — касмапалітычнае адмаўленне лакальных ідэнтычнасцей як архаічных і рэпрэсіўных у дачыненні да індывідуальнага выбару. Выдаецца, што нейкае пагадненне і канструктыўная праца можа весціся толькі пры адмаўленні экстрэмальных пазіцый, пры пошуку нейкіх кампрамісных шляхоў, няхай менш ясных і паслядоўных.

У дадзеным дакладзе я паспрабую пазначыць неабходнасць перагляду той тэарэтычна-метадалагічнай мадэлі гістарыяпісання, якая атрымала назву «нацыянальная гістарыяграфія», менавіта ў такім духу — крытычнай, але паважлівай рэвізіі створанага канону, дастасавання яго да патрэбаў часу.

Я думаю, што няма асаблівай патрэбы ў чарговым высвятленні важнасці гістарычнай памяці і гістарыяграфіі для фармавання, усталявання і пашырэння нацыянальнай ідэнтычнасці. На гэты конт напісаны сотні і тысячы тэарэтычных прац і даследаванняў. Сувязь гэта настолькі відавочная, што практычна ва ўсіх апісаннях складнікаў нацыянальнай ідэнтычнасці адно з першых месцаў займае гістарычная памяць.

Згадаю толькі класічнае выказванне Эрнеста Рэнана ў выступе «Што такое нацыя?» (1882), якая стала падмуркам далейшых прац на гэты конт: «Нацыя — гэта душа, духоўны прынцып. Дзве рэчы, якія з’яўляюцца ў сутнасці адною, складаюць гэтую душу, гэты духоўны прынцып. Адна — у мінулым, іншая — у будучым. Адна — гэта агульнае ўладанне багатай спадчынай успамінаў, іншая — агульная дамова, жаданне жыць разам, працягваць разам карыстацца пазасталай непадзеленай спадчынай»[1].

Адмысловае значэнне для фармавання гістарычнай памяці набывае гісторыяпісанне, рэгуляванае акадэмічнае поле, якое ствarae грамадска прызнаную веду пра мінулае паводле ўнутраных правілаў. Як паказвае «гісторыя гісторыкаў», развіццё гісторыяпісання заўсёды шло поруч з працэсамі дзяржаўнага будаўніцтва, заўсёды было моцна завязанае на інтарэсы дзяржавы і грамадства: гісторыя можа як усталяваць легітымнасць улады, так і эфектыўна яе аспрэчыць. Нічога дзіўнага, што пра выбуховым развіцці нацыяналізмаў у Еўропе XIX стагоддзя ў такім жа эктэнсіўным тэмпе пашыраюцца прынцыпы нацыяльнай гістарыяграфіі, дзе галоўным суб’ектам гістарычнага працэсу з’яўляецца нацыя.

Гісторыкі становяцца нацыябудаўнікамі. Само напісанне нацыянальнай гісторыі ў такіх умовах ператваралася ў жыццёва важную справу для існавання нацыі як такой, бо адсутнасць такой гісторыі адразу давала падставы для панавання суседніх нацый, якія валодалі неабходнымі традыцыямі дзяржаўнасці. Як піша адзін з лепшых сучасных даследчыкаў прынцыпаў нацыянальнай гістарыяграфіі Стэфан Бергер, «гісторыкі мелі ключавое значэнне для дыскурсаў нацыянальнай ідэнтычнасці, паколькі яны ўкаранялі сучаснасць у жыццяздольнай мінуўшчыне, і, такім чынам, гарантавалі будучыню нацыі»[2]. Пытанне дзяржаўнасці якраз было прынцыповым, паколькі на працягу ўсяго XIX стагоддзя гісторыя як такая атаясамлялася з палітычнай гісторыяй, і таму пра існаванне нейкай нацыі можна было казаць толькі ў тым выпадку, калі яна валодала гісторыяй уласных палітычных інстытутаў[3]. Для «негістарычных» жа

нацый Цэнтральна-Усходняй Еўропы стварэнне нацыянальнай гісторыі толькі і давала магчымасць выйсці з ценю, заявіць пра сваё існаванне, акрэсліць нацыянальны абшар і ўрэшце запатрабаваць палітычнай самастойнасці.

Як піша Энтані Сміт, лідэры нацыянальнага руху (у першую чаргу, мясцовая інтэлігенцыя) стваралі ўласныя праекты нацыянальнай ідэнтычнасці, наноў адкрываючы «сапраўдную» этнічную гісторыю і ствараючы натхнёныя расповяды пра гістарычную пераемнасць з гераічным мінулым[4]. Нацыяналістычную інтэлігенцыю Сміт называе «палітычнымі археолагамі», паколькі яна імкнулася не столькі вярнуцца да мінулага, колькі аднавіць яго некрануты этас і адбудаваць мадэрную нацыю праз вобраз былой этнічнай супольнасці[5].

Паралельна з гэтым працэсам фармуліроўкі палітычных патрабаванняў нацыянальнага самавызначэння ідзе ўсталяванне і кадыфікацыя спецыфічнага тыпу гістарычнай веды, які потым атрымае назву «нацыянальная гісторыя» альбо, больш дакладней, «нацыянальная гістарыяграфія». Новая акадэмічная дысцыпліна пачала працаваць у цеснай сувязі з напісаннем гістарычнай літаратуры: іх агульнай мэтай было стварэнне адзінай гістарычнай персоны — нацыі. Нацыя складаецца з герояў і прыхільнікаў, але яе трэба было суб’ектывізаваць і як асобу з уласным жыццём, з перыядамі росквіту і заняпаду. Дзеянні дзяржавы маглі ўспрымацца толькі ў той ступені, наколькі яны адпавядалі волі нацыі. «Нацыянальныя гісторыкі і пісьменнікі былі ўцягнутымі ў сімбіятычнае ўзаемадзеянне з гісторыяй, якое па сутнасці і вызначала нацыянальнае з дапамогай аўтарытэта навуковай веды»[6].

Сімбіёз гісторыі і нацыі перажыў XIX стагоддзе, і адразу ж пасля аднаўлення незалежнай беларускай дзяржаўнасці ў 1991 годзе ў нашай краіне зноў пачаліся дыскусіі пра неабходнасць усталявання нацыянальна-арыентаванай канцэпцыі гісторыі. На жаль, гэтыя дыскусіі разгортваліся ў не дужа спрыяльных грамадска-паліты-

чных умовах, асабліва пасля 1995 года, і шматлікія спрэчныя пытанні да гэтага часу альбо застаюцца ў статусе рэлігійных аксіём пераследаваных ерэтыкоў, альбо навогул выводзяцца па-за абмеркаванне.

У сваім дакладзе я толькі коратка разгледжу генезіс нацыянальнай гістарыяграфіі ў беларускім выпадку, каб паказаць, адкуль і як узніклі яе асноўныя прынцыпы. Гэта паглыбленне ў археалогію веды дазволіць нам ясней зразумець, у якім становішчы мы знаходзімся зараз, у пачатку XXI стагоддзя: што мы ўспадкавалі і што варта было б з гэтай спадчынай зрабіць.

Генеалогія беларускага гісторыяпісання не менш заблытаная, чым генеалогія беларускай нацыі. У XX стагоддзі ўжо можна казаць пра ясныя катэгорыі мовы і ідэнтычнасці, якія дазваляюць больш-менш бязбольна каталагізаваць гісторыкаў і іншых інтэлектуалаў па нацыянальных лагерах. Але калі сыходзіць да вытокаў нацыянальнага канону, у XIX стагоддзе, час хваравітага злому папярэдніх ідэнтычнасцей (Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай), то мы маем справу з пераходамі, трансфармацыямі, існаваннем разнастайных праектаў ідэнтычнасці (шмат з якіх навогул не рэалізаваліся ў палітычнай практыцы), і толькі механічныя аперацыі дазваляюць уніфікаваць інтэлектуальнае жыццё таго часу па нацыянальных прыкметах.

Тым не менш, генеалогію беларускага гісторыяпісання можна аднавіць, нават з умоўнымі этапамі: 1) напісанне гісторыі краю, акрэсленага гістарычнага абшару; 2) распрацоўка нацыянальнай канцэпцыі беларускай гісторыі; 3) напісанне гісторыі Беларусі на беларускай мове. Справа ідзе менавіта пра паступовае, паэтапнае з'яўленне тых канцэптуальных блокаў, з якіх урэшце ў канцы XIX выбудуецца паўнавартасны «дом» нацыянальнай гістарыяграфіі.

Пачаткі беларускай гістарыяграфіі ў любым выпадку давядзецца шукаць у Віленскім універсітэце, асноўным інтэлектуальным

цэнтры для ўсяго Паўночна-Заходняга краю (і, натуральна, для беларускіх земляў) у першай траціне XIX стагоддзя. Часцяком гэты ўніверсітэт і праводзімую ім адукацыйную палітыку вінавацяць у паланізацыі мясцовай беларускай эліты, як гэта робіць, напрыклад, вядомы гісторык Захар Шыбека[7]. Аднак гэта адназначнае атаясамленне ўніверсітэта як цэнтра паланізацыі не ахоплівае разнастайнасці пазіцый універсітэцкай прафесуры. Найвялікшым аўтарытэтам сярод выкладчыкаў гісторыі ў Віленскім універсітэце карыстаўся Яўхім Лялевель, які «стаў сапраўдным бацькам» польскай гісторыі як дысцыпліны[8]. Так, Лелевель выбудоўвае карціну эгалітарнай супольнасці старажытных палякаў, дзе квітнела народаўладдзе (*gminowladztwo*) ці народная дэмакратыя. Падобная ідэалізацыя мінулага засноўвалася і на вылучэнні тых уласцівасцей і якасцей, якія былі неабходнымі для нацыянальнага адраджэння. Па думцы Лелевеля, такімі рысамі для старажытных палякаў былі каханне да вольнасці, актыўная палітычная пазіцыя, грэбаванне раскошай, разважлівая адвага і лагоднасць[9].

Уплыў поглядаў знакамітага прафесара прыкметны і ў працах яго вучня — Адама Міцкевіча, асабліва ў парыжскіх лекцыях, дзе мы знаходзім бачанне Польшчы як краіны, у якой ніколі не існавалі ніякія «прадуманыя» інстытуты, дзе «ўся ўлада абапіралася на запал», але пры гэтым існавалі вольныя выбары і ідэал аднадумства. Палякі, па меркаванні выхадца Навагрудчыны, былі ўнікальным у гісторыі народам, які заўсёды імкнуўся абапірацца толькі на «ўнутраныя схільнасці і добрую волю».

Тым не менш, як лічыць Алег Латышонак, менавіта ў гэтым агмені польскасці, якім была ў той час Вільня, сярод уніяцкай прафесуры ўніверсітэта пачала крышталізавацца беларуская нацыянальная думка[10]. Гаворка ідзе пра прафесараў Віленскага ўніверсітэта Міхала Баброўскага і Ігната Даніловіча, выхадцаў з уніяцкага асяроддзя Беласточчыны. «Менавіта іх заслугай у значнай ступені было абуджэнне ва ўтвораным грамадстве цікавасці да гісторыка-культурнай спадчыны Вялікага княства Літоўскага, асабліва «рус-

кай» часткі гэтай спадчыны, а таксама да народнай сялянскай культуры і беларускай мовы»[11]. Аднак, нягледзячы на тое, што і Баброўскі, і Данілавіч сабралі і апублікавалі мноства юрыдычных і гістарычных дакументаў, цэласную гісторыяграфічную школу яны так і не сфармавалі. Як адзначае Павел Церашковіч, «паказальна, што адным з найболей вядомых вучняў Міхала Баброўскага і Ігната Даніловіча быў заснавальнік літоўскай нацыянальнай гістарыяграфіі Шыманас Даўкантас», але ў той жа час не было вучняў, якія б развівалі беларускую нацыянальную гістарыяграфію[12]. Ужо на першым этапе яскрава выявіліся дзве праблемы, з якімі давядзецца змагацца беларускім гісторыкам надалей: патрэба вылучэння ўласнай беларускай з кантэксту гісторыі Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай, а таксама праблема запозненасці і адставання самаўсведамлення і самаапісання ад паралельных працэсаў у суседніх нацый.

Першай жа сінтэтычнай працай па гісторыі краіны стала апублікаваная ў 1857 годзе ў Санкт-Пецярбургу «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен» Восіпа (Іосіфа) Турчыновіча. Найбуйнейшы беларускі гістарыёграф савецкага перыяду Мікалай Улашчык такім чынам ацэньваў гэту працу: «Якая ні прымітыўная праца Турчыновіча, гэта ўсё ж такі першая, прысвечаная проста і непасрэдна Беларусі, прычым яе аўтар рупліва вывучыў літаратуру і крыніцы, што меліся тады, і давёў сваё апавяданне да далучэння паўночна-ўсходняй Беларусі да Расіі, г.зн. да 1772 года, чаго не зрабіў ні ў той час, ні шмат гадоў пазней, ніхто іншы»[13]. Асноўны і найбольш істотны крок, прароблены Турчыновічам — гэта стварэнне цэласнага гістарычнага наратыву, у цэнтр якога пакладзена Беларусь. Натуральна, пры гэтым адмысловае значэнне мае лакалізацыя гэтай тэрыторыі — у Турчыновіча яна не супадае з тэрытарыяльна-адміністрацыйным дзяленнем Расійскай імперыі (т.зв. Беларускія губерні), але валодае вызначанымі межамі («краіна паміж Дзвіною, Дняпром і Друццю»), г.зн. маецца на ўвазе паўночна-ўсходняя частка сучаснай тэрыторыі краіны.

Разам з тым, гэта далёка яшчэ не гісторыя этнаса і, тым больш, нацыі. Гэта гісторыя зямлі, пазбаўленай палітычнай суб’ектнасці. «Беларусь мае сваю ўласную гісторыю», але гэта гісторыя сталых чужых палітычных умяшанняў («бяздольны край»), зусім не гісторыя стварэння палітычнага, эканамічнага і культурнага парадку мясцовым насельніцтвам. Мясцовы жыхар ніяк не маркіраваны этнічна, гэта мірныя земляробы, якія ўвесь час падпарадкоўваюцца чужароднай палітычнай волі. Натуральна, сам модус апавядання ў Турчыновіча трагічны, што падкрэсліваецца і ў гістарыясофскім эпілогу да працы: «Этим и покончим обозрение истории Белоруссии. Неотрадна ее прошедшая судьба: вечное поприще военной бряни, при которой беззащитный здешний земледелец, безпрестанно переходил с новоселья на попелище. До принесения сюда света христианства и с ним первых лучей гражданственности, это был край наживы и покормки для соседних народов; потом, кровавое позорище братних междуусобий; затем, новые войны между установившимися вокруг государствами, новыя движения ратей, оставлявших за собою кучи пепла и потоки крови»[14]. Адсутнасць гістарычнай суб’ектнасці Беларусі немінуча вядзе за сабою і адсутнасць магчымасцей для палітычнай самастойнасці ў сучаснасці. Магчыма, таму згадкі пра працу Турчыновіча можна знайсці толькі ў адмысловых гісторыяграфічных даследаваннях. Тым не менш, нельга адмаўляць яе ўплыў як першага абагульненага гістарычнага наратыву, дзе прадметам з’яўляецца гісторыя Беларусі.

Само ж станаўленне цэласнага і разгорнутага гістарычнага наратыву з беларускіх нацыянальных пазіцый адносіцца да канца XIX стагоддзя. Першай разгорнутай і абгрунтаванай, у адпаведнасці з тагачаснымі навуковымі нормамі, кадыфікацыяй уяўленняў пра беларускую нацыянальную гісторыю можна смела назваць вялікі артыкул Мітрафана Доўнар-Запольскага «Белорусское прошлое», які быў апублікаваны на рускай мове ў «Минском листке» ў 1888 годзе. Адзначым найбольш упловыя сюжэты гэтага тэксту:

1) адмаўленне палітычнай і этнічнай еднасці ўсходніх славян, а значыць, і існавання Кіеўскай Русі як першавытока дзяржаўнасці («старажытнарускія плямёны, якія не складалі адзінага этнаграфічнага цэлага, не ўяўлялі сабою і ніякага палітычнага цэлага»)[15];

2) вылучэнне Полацкага княства як нацыянальна самастойнай дзяржавы, ідэалізацыя яе дзяржаўнага ўкладу як рэспублі-канска-дэмакратычнага («асаблівае развіццё вечавога парадку, а таму і нацыянальнай самастойнасці, мы бачым у жыцці Полацкага княства»)[16];

3) апісанне Вялікага княства Літоўскага як дзяржавы, дзе панавала раўнапраўе і верацярпімасць, дзе беларускі народ «жыў самастойным жыццём, кіраваўся ранейшымі вечавымі парадкамі і, як культурна-паноўная нацыянальнасць, меў вялізны ўплыў на ўнутраныя і знешнія справы краіны»[17];

4) супрацьпастаўленне беларускіх дэмакратычных парадкаў і схільнасцей маскоўскаму (расійскаму) аўтакратызму і польскаму шляхецкаму элітызму: «беларускі народ быў, перш за ўсё, па сваім гістарычным і народна-бытавым традыцыям, у вышэйшай ступені дэмакратычным», у той час як польская і літоўская дзяржавы «выключалі дэмас»[18], і нават надалей ідзе мова пра «рабство и отупение Московского народа».

Такім чынам, Доўнар-Запольскім у гэтым артыкуле была прапанаваная гатовая схема, якая цалкам укладвалася ў патэрны апісання сваёй гісторыі «негістарычнымі» нацыямі ў той час (варта заўважыць, што аўтар разглядае беларускі выпадак менавіта ў атачэнні нацыяльна-культурнага адраджэння ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе): падкрэсліванне старажытных гістарычных традыцый, адвечных дэмакратычных каштоўнасцей, першавытокаў дзяржаўнасці ў раннім Сярэднявеччы (Полацкае княства), далейшага росквіту культуры ў «залатую эпоху» (Вялікае княства Літоўскае), якая

прыйшла ў заняпад у выніку агрэсіўных дзеянняў дэспатычных суседзей (Польшчы і Масквы). І што надзвычай важна: апісанне беларускай гісторыі ім прама атаясамлялася са справай нацыянальнага адраджэння, «абуджэння» народа, актыўнай грамадскай, навуковай і культурнай дзейнасцю.

І фінальным крокам па ўсталяванню канона нацыянальнай гістарыяграфіі ў беларускай версіі можна лічыць публікацыю «Кароткай гісторыі Беларусі» Вацлава Ластоўскага ў 1910 годзе, якая не шмат што дадала ў канцэптуальным плане да прапаноў Доўнар-Запольскага, але затое была напісана на беларускай мове. Гэты крок меў прынцыповае значэнне, ён звёў разам нацыю, тэрыторыю, гісторыю і мову ў адзіную цэласнасць, надзеленую глыбокім сэнсам.

Я вельмі падрабязна спыніўся на прадстаўленні ключавых тэкстаў для паўставання нацыянальнай гістарыяграфіі, паколькі менавіта там хаваюцца тыя праблемы, якія зараз усплываюць на паверхню, калі мы звяртаемся да гісторыі сваёй краіны:

1) Тэлеалагічнасць гісторыі, калі мы з пазіцый сучаснасці (патрэб беларускага нацыянабудаўніцтва) пачынаем аналізаваць дзеянні продкаў, разам са стварэннем штучных матывацый і пабудовай ацэнкі ўчынкаў на падставе іх карыснасці ці адданасці беларускай справе;

2) Ідэалізацыя мінулага, праз надзяленне нашых продкаў рысамі дэмакратычнасці і талерантнасці з адначасовай дэманізацыяй суседзяў;

3) Выкарыстанне ў якасці асноўнай схемы адбору рэлевантных гістарычных фактаў выключна нацыянальнай тэрыторыі беларусаў, якая ў апошнія дзесяцігоддзі бачыцца толькі ў актуальных дзяржаўных межах Рэспублікі Беларусь. Натуральна, што сучасныя межы не супадаюць з гістарычнымі, што нара-

джае выцясненне і ігнараванне тых феноменаў, якія «выпадаюць» па-за межы;

4) Этнічна маркіраваны падыход да культурна-гістарычных з’яў, выключэнне з аналізу і апісання іншых моўных і этнічных культур.

Некрытычнае ўспрыняцце прынцыпаў нацыянальнай гістарыяграфіі нараджае і феномен «вайны за спадчыну» (у Беларусі, на шчасце, слаба пашыраны сярод прафесійных гісторыкаў), калі гісторыя данацыянальных дзяржаваў пачынае актыўна і часам агрэсіўна дзяліцца паводле сучасных дзяржаўных межаў.

У вельмі рэдукаваным выглядзе нацыянальную гістарыяграфію можна прадставіць як зброю, мэтай якой было стварэнне нацыянальнай дзяржавы, і ўсе пералічаныя канцэптуальныя блокі мелі дакладнае прагматычнае прызначэнне. Але зброя ўжо спрацавала, мы жывем у незалежнай Беларусі, і задачы зараз перад намі стаяць іншыя, чым тое было ў XIX стагоддзі. На жаль, мінулае нас прыцягвае, нават у тэзісах пра «незавершанасць нацыябудаўніцтва», «адсутнасці гісторыі» і г.д. Па сутнасці, для беларускага гуманітарнага мыслення (не толькі для гісторыяпісання) зараз паўстае задача радыкальнага пераадолення сэнсавых каардынат, паўсталых у XIX стагоддзі.

Гэта не азначае разрыў з традыцыяй, растварэнне ў касмапалітычнай ідэнтычнасці, толькі цвярозае ўсведамленае зменай сітуацыі (беларуская дзяржава ўжо існуе!) і адпаведнай змены задач для інтэлектуальнай эліты. Калі ўжо зусім коратка, беларуская гістарыяграфія мусіць стаць інклюзіўнай, з уключэннем усіх культурных пластоў, адкрытай на дыялог з суседзямі, што можна назваць «постнацыянальнай» гістарыяграфіяй.

Зноскі:

1. *Ренан Э.* **Что такое нация?** [Электронный ресурс] // Хронос. — Исторический интернет-портал. — Режим доступа (на 30.03.2014): http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php, свободный. — Загл. с экрана.
2. *Berger S.* **On the Role of Myths and History in the Construction of National Identity in Modern Europe**. European History Quarterly. 2009, Vol. 39 (3). P. 493.
3. *Hroch M.* **Národy nejsou dílem náhody. Příčiny a předpoklady utváření moderních evropských národů**. Praha, 2009. P. 174.
4. *Смит Э.* **Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма**. — М., 2004. — С. 353.
5. *Smith A.D.* **Myths and Memories of the Nation**. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 19.
6. *Hall P.* **Nationalism and Historicity**. Nations and Nationalism. 1997, 3(1). P. 7.
7. *Шыбека З.* **Нарыс гісторыі Беларусі. 1795-2002**. — Мн., 2003. — С. 33.
8. *Wandycz P. S.* **Poland**. The American Historical Review. Vol. 97, No. 4, Oct., 1992. P. 1013.
9. *Baar M.* **Historians and Nationalism**. P. 176-177.
10. *Латышонак А.* **Нацыянальнасць — беларус**. — Вільня, 2009. — С. 382.
11. *Токть С.* **Белорусы в эпоху формирования модерных европейских наций** // *Кравцевич А.*, *Смоленчук А.*, *Токть С.* Белорусы: нация Пограничья. — Вильнюс, 2011. — С. 132.
12. *Терешкович П.* **Этническая история Беларуси XIX — начала XX в.** — Мн., 2004. — С. 71.
13. *Улашчык М.* **Заўвагі на некаторыя раздзелы рукапісу «Белоруссия в XIII — середине XVI в.»** // Беларускі гістарычны агляд. — 1996. — Т. 3. — Сш. 1. [Электронны рэсурс] // Беларускі гістарычны агляд. — Інтэр-нетверсія часопіса. — Рэжым доступу (на 30.03.2014): http://www.belhistory.eu/ulashchyk-m-m-zaўvagi-na-nekatoryya-razdzely-rukapisu-belorussiya-v-xiii-seredine-xvi-v/, вольны. — Загал. з экрана.
14. *Турчинович И.В.* **Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен**. — Мн., 2006. — С. 253.
15. *Довнар-Запольский М.* **Белорусское прошлое** // Homo Historicus, 2008. — С. 309.
16. Тамсама, С. 311.
17. Тамсама, С. 322.
18. Тамсама, С. 323.

Інтэлектуальныя козыры працiўнікаў адраджэнскага праекта

Пётр Рудкоўскі

Цягам найноўшай гісторыі Беларусі (1990-2014) спроба ажыццяўлення адраджэнскага праекта суправаджалася спробамі яго інтэлектуальнага аспрэчвання. У дадзеным артыкуле маю намер рэканструяваць і пакласіфікаваць крытычныя аргументы адносна гэтага праекта з боку акадэмічных асяродкаў.

Адразу ж хацеў бы прыкмеціць, што не стаўлю сваёй мэтай падрабязны аналіз гэтых аргументаў; абмяжуюся толькі кароткімі заўвагамі лагічнага або тэорыя-аргументацыйнага характару. Чарговая засцярога: названне гэтых аргументаў «козырамі» зусім не азначае, што лічу іх бездакорнымі і пераканаўчымі. Азначае ўсяго толькі тое, што яны могуць уяўляць сабой пэўны інтэлектуальны выклік, які варта ўлічваць пры далейшым развіванні нацыянальнага праекта.

1. Паняцце «адраджэнне»

«Адраджэнне», гэтак сама як сваяцкія па сэнсу назвы «рэнесанс», *risorgimento*, *palingenesis*, — назва, насычаная метафізічна-рэлігійнымі канатацыямі, што можна мець свой уплыў на стасунак да з'яў, апісваных такімі назвамі. Стоікі называлі адраджэннем працэс няспыннай адбудовы сусвету Дэм'юргам; Філон Александрыйскі адраджэннем акрэсліваў тое, што адбылося пасля біблейнага Патопу; Плутарх — перамяшчэнне душаў; а ў Евангеллі паводле Мацвея Апошні Суд пазначаны як пачатак *palingenesis*, г.зн. рэгенерацыі, адбудовы свету.

У Новы час паняцце «адраджэнне» спачатку было прымянена для акрэслення ментальных і культурных перамен у Еўропе XV-XVI стагоддзяў (Рэнесанс), а пасля, пачынаючы з XIX стагоддзя, гэтае паняцце стала ўсё часцей асацыявацца з нацыянальна-вызваленчымі рухамі. І Беларусь тут не выключэнне.

Будучы яскрава метафарычным тэрмінам, «адраджэнне» не мае ўстойлівага значэння і можа асацыявацца з рознымі грамадска-культурнымі працэсамі. Няма чагось такога, як «сутнасць» адраджэння, таму не буду рабіць спроб акрэсліць, што такое «сапраўднае» адраджэнне. Тое, што я маю намер зрабіць зараз, — гэта рэканструяваць «канон адраджэнства» ў беларускім выданні. Думаю, што гэтая рэканструкцыя можа трактавацца як сінтэтычнае апісанне дадзенай плыні. Але калі хтось з гэтым нязгодны, то можа ўспрымаць яе проста як рэгулятыўную дэфініцыю.

Беларускае адраджэнне — гэта сукупнасць чатырох тэндэнцый або пазіцый:

1) Тэндэнцыя да пашырэння і замацавання беларускай мовы ў публічнай прасторы (што зусім не азначае «татальнай беларусізацыі»);

2) Вера ў культурную самабытнасць і палітычны патэнцыял беларускага народа і звязаны з гэтым імператыў абароны і развівання нацыянальна-культурнага і палітычнага суверэнітэту. У рамках гэтага агульнага імператыву месцяцца больш канкрэтныя імператывы, як, напрыклад, устанаўленне (вяртанне) нацыянальных сімвалаў — бел-чырвона-белага сцяга і герба «Пагоня» — у якасці дзяржаўных; захаванне тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі;

3) Імкненне да распаўсюджвання, у тым ліку, праз сістэму адукацыі, нацыянальнага гістрычнага наратыву, а таксама «культурнай памяці» (шанаванне месцаў, дат, герояў, якія спрычыніліся да нацыянальнага станаўлення беларускага народа або могуць быць гэткім чынам інтэрпрэтаваны);

4) Імкненне да будавання і культывавання надтэрытарыяльнай і надгістарычнай нацыянальнай супольнасці, г.зн. пачуццёвай лучнасці з беларусамі, якія жывуць не толькі ў Бела-

русі, але і па-за яе межамі (і наадварот); не толькі з тымі, хто жывуць у цяперашнім часе, але і тымі, што жылі да нас (продкі) і хто будуць жыць у будучым (нашчадкі).

Удакладненне. Адраджэнскі праект можа прадугледжваць эсэнцыялісцкае разуменне нацыі (г.зн. што нацыя характарызуецца аўтаномным, незалежным ад індывідаў спосабам існавання і што яна існавала ў дамадэрны час, толькі ў «неабуджным» стане). Аднак эсэнцыялізм нельга трактаваць як вызначальнік адраджэнскага праекта. Хтось можа падтрымліваць, напрыклад, тэзіс Андэрсана (нацыі — уяўленыя супольнасці) і пры гэтым заставацца паўнаспраўным адраджэнцам.

Названыя вышэй чатыры рысы лічу аснаватворнымі для беларускага адраджэнства. Канешне, у розных адраджэнскіх групах і колах могуць з'яўляюцца дадатковыя патрабаванні: напрыклад, прыхільнасць хрысціянскаму светапогляду, этычны кансерватызм або, наадварот, прыхільнасць секулярызму, этычны лібералізм. У канон «нацыянальнага этасу» могуць у розных асяроддзях уваходзіць розныя светапоглядныя ці рэлігійныя пастулаты, але гэта не змяняе таго, што аснаватворнымі — неабходнымі і дастатковымі — умовамі прыналежнасці да адраджэнскай плыні з'яўляюцца вышэй названыя чатыры рысы.

2. Антыадраджэнская аргументацыя

Выраз «антыадраджэнская аргументацыя» выкарыстоўваю тут як назву-парасон для інтэлектуальных канструкцый, пакліканых паказаць заганнасць адраджэнскага праекта або/і немэтазгоднасць яго культывавання як культурна-палітычнай опцыі. Дзеля зручнасці буду менаваць яе «антыадраджэнствам».

2.1. Антыадраджэнства са спасылкай на навуку

Рэканструкцыя пазіцыі:

1. Дактрынальная складовая адраджэнскага праекта: а) грунтуецца на эсэнцыялісцкай метафізіцы; б) уваходзіць у супярэчнасць з тэорыяй канструктывізму; в) не ўлічвае навуковых даследаванняў нацый (у прыватнасці, ігнаруе тэзіс, што нацыі — мадэрная з'ява).

2. Сучасная навука і большасць напрамкаў філасофіі дыстанцуюцца ад эсэнцыялізму. Пабудова сучаснага і еўрапейскага грамадства павінна ўлічваць прагрэс навукі і філасофскай думкі.

3. Адраджэнства павінна быць адкінута якнееўрапейская або/і анахранічная грамадская праграма.

Такую або блізкую такой пазіцыю займалі некаторыя рускамоўныя лібералы з нагоды дыскусіі адносна адкрыцця беларускай праграмы на радыёстанцыі «Deutsche Welle» у 2005 годзе. Час ад часу такога тыпу аргументацыя з'яўляецца і зараз (напрыклад, з нагоды дыскусій вакол канцэпцыі Еўрапейскага гуманітарнага ўніверсітэта). Таксама і ў тэкстах заходніх аўтараў, якія займаюцца беларускай праблематыкай, можна штосьць падобнае напаткаць. Напрыклад, Пэр Андэрс Рудлінг у артыкуле «Уздым і заняпад беларускага нацыянальнага руху: гістарычныя перадумовы і перспектывы на будучыню»[1] асацыюе адраджэнства з будаваннем міфаў і пазначае: «Дэканструкцыя, а не пабудова міфаў вядзе да ўзмацнення грамадзянскай адказнасці і свядомасці, адкрываючы магчымасць існавання альтэрнатывы і аўтаномнага выбару»[2].

Носьбіты гэтай пазіцыі не ўлічваюць таго, што эсэнцыялізм не абавязкова мусіць быць інгерэнтны адраджэнскаму праекту. Падругое, іхняя аргументацыя можа быць абцяжарана заганай *argumentum ad novitatem* — дагматызацыяй перадпасылкі, што «ўсё новае — рацыянальнае» або «толькі новае — рацыянальнае».

2.2. Спасылка на этыку

Рэканструкцыя:

1. Адраджэнскі праект супярэчыць ліберальнаму этасу: прадугледжвае першынство калектыву (нацыянальнай супольнасці) над асобай, правы і свабоды чалавечай асобы ставіць ніжэй за культурную і палітычную суверэннасць нацыянальнай супольнасці.

2. Толькі этыка, якая трактуе свабоду чалавечай асобы як найвышэйшую каштоўнасць, можа быць пакладзена ў аснову адкрытага грамадства.

3. Адраджэнства павінна быць зведзена да прыватнай сферы; пастулат «культурнай прыпіскі» ніколі не павінен набываць агульнаграмадскага значэння.

Такога тыпу пазіцыю займалі ў 1990-я гады Юры Дракахруст і Алег Манаеў[3]. На пачатку XXI стагоддзя яна прасочвалася ў публіцыстыцы Аляксандра Адамянца[4] або Андрэя Екадумава[5].

Крытыка адраджэнства з выкарыстаннем такой аргументацыі прадугледжвае два неапраўданыя крокі: а) абсалютызацыя ліберальнай этыкі; б) прыняцце, што існуе быццам бы супярэчнасць паміж індывідуальнай свабодай і супольнаснай арыентацыяй.

2.3. Спасылка на законы гісторыі (гістарыцысцкі аргумент)

Рэканструкцыя:

Разумаванне гэтага тыпу можа мець два варыянты:

1. Акаляючы свет (напрыклад, Еўропа) зараз рухаецца у напрамку *Н*. Адраджэнскі праект разыходзіцца з напрамкам *Н*. Такім чынам, адраджэнства павінна быць адкінута як нязгоднае з агульнымі еўрапейскімі/сусветнымі тэндэнцыямі.

2. Нацыянальнае адраджэнне — гэта вынік заканамернага развіцця гісторыі. Адпаведна законам гісторыі, нацыянальнаму адраджэнню быў адведзены час на лініі часу *T*. Час *T* прамінуў. Беларусы не паўсталі як (класічная) нацыя ў часе *T*. Позна адраджаць (будаваць) нацыю.

Адпаведна схеме 1 разважаў Рыгор Мінянкоў, аргументуючы, што Еўропа ўваходзіць у «постнацыянальную эпоху»[6], такім чынам, пастулат беларускага адраджэння ў XXI стагоддзі неапраўданы. Версію 2 можна напаткаць у Валянціна Акудовіча[7] і Грыгорыя Іофе[8].

Гістарыцызм — гэта дужа праблемны метадалагічны падыход. Наўрад ці пасля крытыкі гістарыцызму з боку Карла Попера магчыма культываванне такога падыходу на навуковым узроўні. А ва ўсякім разе, прыхільнікі такога падыходу мусяць спачатку паказаць — з улікам попераўскай крытыкі — магчымасць рацыянальнага аперавання канцэптамі, такімі як *напрамак гістарычнага працэсу або законы гісторыі*.

1.4. Спасылка на непапулярнасць/слабасць/нерэпрэзентатыўнасць

Рэканструкцыя:

1. Беларускі адраджэнскі праект мае мала агульнага са штодзённым жыццём людзей.

2. Толькі такая грамадская праграма, якая выходзіць насустрач штодзённым праблемам беларусаў, вартая прасоўвання.

3. Беларускае адраджэнства павінна быць адкінута, паколькі разыходзіцца з рэальнымі праблемамі большасці беларусаў.

Такая аргументацыя прасочваецца ў публіцыстыцы Аляксандра Пяршая[9], Святланы Алексіевіч[10]. Андрэя Екадумава[11], Янава Палескага[12], Вадзіма Казначэева[13], а таксама Пэра Рудлінга[14].

Такая аргументацыя абцяжарана заганай *argumentum ad maioritatem* — абсалютызацыяй меркавання «большасці». Апроч таго, не ўлічваецца тут, што як адраджэнскі праект, так і грамадская думка — гэта дынамічныя рэчаіснасці: пункты судакранання аднаго і другога ўвесь час падлягаюць флуктуацыі.

1.5. Спасылка на прыхаваныя інтарэсы (дэмаскатарскі канструктывізм)

Прыкладна ў сярэдзіне 1990-х гадоў у беларускую грамадскую думку пачынае пранікаць сацыяльны канструктывізм — інспіраваны філасофіяй Томаса Куна даследніцкі падыход, які зыходзіў з таго, што тыя ці іншыя формы грамадскага жыцця пазбаўлены трывалай натуры, што з'яўляюцца яны ўсяго толькі канструктам-канвенцыяй, якая свядома ці несвядома падтрымліваецца чальцамі дадзенай супольнасці.

У цеснай повязі з канструктывізмам як *даследніцкім падыходам* пачаў таксама культывавацца канструктывізм як *дэмаскатарская стратэгія*. Зыходнай устаноўкай гэтага другога падыходу ёсць кан'юнкцыя дзвюх тэзісаў: а) усякія сацыяльныя інстытуты з'яўляюцца канструктамі-канвенцыямі; б) за спробамі пашырэння і замацоўвання гэтых канструктаў заўжды хаваюцца нейкія эгаістычныя групавыя або індывідуальныя інтарэсы. Аб'ектам выкрывання могуць быць розныя рэчы, напрыклад, гендэрныя ролі, інстытут сям'і, інстытут дзяржавы, акадэмічная супольнасць. Часам нават навуковыя вынаходкі або філасофскія тэорыі могуць інтэрпрэтавацца як канструкты-з-мэтай-дамінацыі. Адраджэнскі праект разам з асноўнымі канцэптамі «нацыя», «ідэнтычнасць» — гэта адзін з тых канструктаў, за якім хаваюцца непрывабныя групавыя інтарэсы (на-

прыклад, культурная гегемонія ў агульнаграмадскім маштабе, здабыццё палітычнай улады).

Рэканструкцыя:

1. Адраджэнскі праект — гэта спосаб здабывання культурнай гегемоніі або/і палітычнай улады.
2. Стаўленне да беларускага адраджэння павінна быць такім жа, як і да любой формы гіпакрызіі — выкрыванне яго з мэтай этычнай і палітычнай кампраметацыі.

Такая пазіцыя выразна прасочваецца ў публіцыстыцы Алены Гапавай, Аляксандра Пяршая[15], Янава Палескага[16], Вадзіма Казначэева[17], а таксама ў нейкай ступені ў Пэра Рудлінга[18].

Дэмаскатарскі канструктывізм грунтуецца на прэзумпцыі злой волі, яго высновы нефальсіфікавальныя, а метадалогія рэдукавана да набору ўстойлівых словазлучэнняў (напрыклад, «карпаратыўныя інтарэсы», «гегеманічныя канструкты»), чыя дэскрыпцыйная або экспланацыйная вартасць дужа сумнеўная. Таму гэты падыход і заснаваную на ім крытыку адраджэнскага праекту складана трактаваць як нешта большае, чым ідэалагічна-прапагандысцкае прадпрыняцце.

Падагульненне і заключэнне

Як было пазначана на пачатку, мэтай артыкула была перадусім рэканструкцыя асноўных тыпаў антыадраджэнскай аргументацыі і сфармуляванне заўваг лагічнага або тэорыя-аргументатыўнага характару. Паколькі маем тут дачыненне не з дэдукцыйнымі сістэмамі, то наяўнасць тых ці іншых лагічных заганаў не мусіць азначаць поўны крах тых ці іншых «антыадраджэнскіх» аргументаў. Некаторыя з іх, нават пры пэўнай лагічнай слабасці, могуць захоўваць каліва рацыянальнасці. Таму пажадана, каб аналіз лагічнага ці метадалагічнага характару быў дапоўнены эмпірычным даследа-

ваннем, але гэта ўжо справа асобнага артыкула ці нават серыі артыкулаў.

Тое, аднак, што ўжо на базе выяўленага ў гэтым артыкуле можна сказаць, што найбольш тыповыя антыадраджэнскія інтэлектуальныя канструкцыі наўрад ці могуць прэтэндаваць на большую «навуковасць» або «рацыянальнасць», чым сам адраджэнскі дыскурс. Многія з крытычных закідаў не задавольваюць прынцыпу дэскрыпцыі (які з'яўляецца перадумовай рацыянальнай аргументацыі). Парушэнне прынцыпу дэскрыпцыі тут можа быць дваякім: або з'явы апісваюцца такім чынам, што невядома, да якіх аб'ектаў дадзеная характарыстыка адносіцца, або выражана на метафарычнай мове, з-за чаго немагчыма зразумець дакладны сэнс апісання. У некаторых выпадках аргументацыя абцяжарана заганай *petitio principii* (як у выпадку крытыкі адраджэнства з (маўклівым) прыняццем гістарыцысцкіх перадпасылак), *totum pro parte* (як, напрыглад, прыняцце некаторых навуковых тэндэнцый за ўсю навуку), *argumentum ad novitatem* (як у выпадку закіду, што адстойванне нацыянальнага адраджэння — праява культурнай адсталасці).

Зноскі:

1. Артыкул апублікаваны ў зборніку: Бунт у імя свабоды: забыты беларускі ген? / Рэд. Пётр Рудкоўскі, Кацярына Колб. — Варшава, 2013.
2. Тамсама, С. 118.
3. Гл.: Каким быть Белорусскому народному фронту? // Согласие. — 1990. — 29 октября.
4. Гл.: Конец «возрожденческого проекта» в Беларуси [Электронный ресурс] // Новая Эўропа. — Интернет-журнал. — 16.02.2007. — Режим доступа (на 30.03.2014): http://n-europe.eu/content/index.php?p=1210, свободный. — Загл. с экрана.
5. Гл.: Белорусская идентичность: в поисках пятого угла [Электронный ресурс] // Новая Эўропа. — Интернет-журнал. — 16.11.2007. — Режим доступа (на 30.03.2014): http://n-

europe.eu/content/index.php?p=2814, свободный. — Загл. с экрана.

6. Не маю пры сабе пісьмовага тэкста, у якім Мінянкоў выказваў бы гэтае меркаванне. Прыпісваю яму гэты погляд на базе вуснага яго выказвання падчас семінара «Незалежная Беларусь: шляхі нацыянальнага самавызначэння», які адбыўся 22 кастрычніка 2006 года.
7. «...беларусы спазніліся з нацыянальным адраджэннем» — Акудовіч В. Вайна культураў, альбо Піраміда Хеопсу за мурам Мірскага замку: http://old.knihi.com/akudovic/vajna.html (Дата доступу: 15.11.2013).
8. «Калі звярнуцца да ўплывовай мадэлі Гроха, якая прадугледжвае трохэтапны працэс фармавання нацыі <...>, то беларусы знаходзяцца на этапе Б» — Nieustanne poszukiwania tożsoamości białoruskiej // Tożsamości zbiorowe Białorusinów, red. R. Radzik, Lublin: Wydawnictwo UMCS 2012.
9. Пар.: «Падаецца, што беларускі інтэлектуальны нацыянальны дыскурс не выходзіць далей за межы кола саміх інтэлектуалаў»; «Інтэлектуальны дыскурс на Беларусі — самазасяроджаны [self-centred], элітарны і інтэлектуальна арыентаваны»; «Калі ёсць цэнтар, які прамаўляе, дык чаму ніхто ня слухае?» — Questioning the Hegemony of the Nation State in Belarus: Production of Intellectual Discourses as Production of Resources. Nationalities Papers. Vol. 34. № 5. (November 2006). P. 623-635.
10. Пар.: «Людзі з ARCHE і Наша Ніва не прадстаўляюць беларускага народа. Тое, што яны прадстаўляюць, — гэта ўласныя мары аб беларускім народзе» — З спрэчкі вакол мовы новай праграмы «Deutsche Welle» для Беларусі, радыёперадача «Праскі акцэнт», 24 верасня 2005 года, www.svaboda.org.
11. Пар.: «Национальное Возрождение», «беларушчына» пребывают по ту сторону жизненного горизонта львиной доли белорусов»; «…этот идеальный образ не находит пылкого отклика у обывателя» — Миссионеры в гипермаркете. Белорусский этнонационализм и потребитель: http://www.3dway.org/node/7584 (Дата доступу: 15.11.2013).

12. Пар.: «Калі славуты нацыянальны дыскурс — гэта цэнзураваны дыскурс абмежаванай колькасьці асобаў, ды яшчэ ў прыдачу і мала цікавы для «вонкавых» карыстальнікаў (расейцаў, палякаў, часткі беларусаў), дык на якой падставе ён называе сябе «нацыянальным»?» — Невозможность симбиоза: http://nmnby.eu /news/discussions/2225.html (Дата доступу: 15.11.2013).
13. Казначеев В. Волна и пена [Электронный ресурс] // Наше мнение. — Аналитическое интернет издание. — 31.08.2005. — Режим доступу (на 30.03.2014): http://nmnby.eu/news/discussions/2553.html.
14. Пар. яго выказванне наконт беларусізацыі 1920-х гадоў: «Нацыяналізм і нацыянальная ідэнтычнасць мелі мала агульнага з паўсядзённым жыццём людзей»; «Беларусізацыя праводзілася з імклівай хуткасцю і без вялікай увагі да настрояў у грамадстве. <...> Для большай часткі сялянства пытанні беларускай саматоеснасці і нацыянальнага будаўніцтва былі даволі абстрактнымі пытаннямі, вельмі далёкімі ад праблемаў іх паўсядзённага жыцця». — Op.cit.
15. «Акцэнтуючы вяртанне Беларусі да Еўропы, нацыянальны праект дазваляе беларускім інтэлектуалам выбраць і прасоўваць тую мадэль нацыі, якая найбольш адпавядае іх карпаратыўным інтарэсам»; «Нацыянальны дыскурс зьвязаны з двума гегеманічнымі канструктамі — дамінацыяй нацыянальнай дзяржавы і дамінацыяй інтэлектуалаў» — Pershai, Alexander. — Op.cit.
16. Гл.: артыкул «Невозможность симбиоза...», дзе Янаў Палескі дэмаскуе прэтэнзіі «беларускамоўных» на «моўнае настаўніцтва».
17. «Вы [натывісты] раскідваецеся вострымі заявамі. Але ўжо сам тон вашых заклікаў уяўляе сабой пэўную праблему. Што будзе, калі прыйдзеце да ўлады? Ці проціпаставіцеся спасусе выкарыстоўвання метадаў прымусу [каб навязаць беларускую мову]?». — Op.cit.
18. «Нацыянальныя актывісты [маецца на ўвазе перыяд беларусізацыі 1920-х гадоў] нагадвалі гульцоў у рулетку, якія гулялі толькі на адну стаўку. Стаўкі былі высокія — істотная ўлада і ўплыў...». — Op.cit.

Национальное образование. История неудачных реформ

Владимир Дунаев

Под национальным образованием чаще всего подразумевают этнокультурную среду, в которой происходит сохранение и трансляция духовного и культурно-исторического наследия этноса. В таком смысле о современной системе образования Беларуси говорить затруднительно, поскольку она не является этнически ориентированной. Проект трансляции этничности потерпел крах после референдума 1995 года. Сегодня на беларусском языке, по данным официальной статистики, обучается 16,6% школьников и 0,2% студентов вузов [1, 67, 158]. Но это не означает, что строительство национальной системы образования прервалось в 1995 году Оно продолжается, но теперь уже как идеологический инструмент не этнического государства, а государства как политического сообщества. Конечно, о воспитании либерального субъекта или культивирования государственной рациональности в европейском смысле речь не идет. Но определенные идеологические функции система образования выполняет, и делает она это используя те же стратегии различения и преодоления разрывов, с помощью которых происходит манипулирование смыслами во всех национальных идеологиях. Однако тот образ самобытности беларусского образования, который культивируется властью, лишь тормозит модернизацию этой отрасли и усугубляет кризис национальной школы.

Вся история беларусского образования последнего двадцатилетия является цепью неудачных реформ, проводившихся под знаком утверждения беларусской особенности и даже исключительности. Нельзя сказать, что до этого удача сопутствовала преобразованиям в системе образования. Но то был общий для всего СССР процесс реформирования и переживания негативных последствий восьми советских реформ. Во всяком случае, претендовать на самобытность никому в БССР не приходило в голову. Однако после 1991 года короткие периоды открытости мировым трендам в раз-

витии образования регулярно сменялись изоляционизмом и поиском особого пути.

Начало 1990-х годов в странах Восточной и Центральной Европы ознаменовалось поиском путей перехода к новой архитектуре образования. Наши соседи искали стратегии модернизации своих систем образования, ориентируясь на мировых лидеров в этой области. К этому времени в высшем образовании уже сформировалось понимание неизбежности отказа от т.н. философии длинных циклов, сложившейся еще в начале XIX века. На смену советской модели с ее пятилетним сроками обучения приходила более гибкая американо-британская система двух циклов высшего образования, которые часто называли бакалавриатом и магистратурой. Считалось, что переход к этой новой архитектуре должен быть постепенным и на какое-то время придется сохранять промежуточную квалификацию специалиста. Промежуточную — между бакалавром и магистром. Но только не в Беларуси, где в поисках самобытности был изобретен химерический образ бакалавра как специалиста с дополнительной фундаментальной подготовкой.

Реформа 1994 года предоставляла право на получение академической степени бакалавра студентам, успешно прошедшим программу обучения в 300 часов дополнительно к программе высшего образования. Видимо, изобретали такого бакалавриата желали удивить весь мир невиданной фундаментальностью этой академической степени и национальным своеобразием беларусской системы образования.

Временами поиск самобытности сменялся короткими периодами здравомыслия. В конце 1990-х годов начался переход к двенадцатилетней школе, а начало 2000-х было отмечено попыткой интеграции беларусского высшего образования в Болонский процесс. Но, начиная с 2004 года, эти процессы интернационализации стали рассматриваться как угроза национальной безопасности. Желание отгородить Беларусь от тлетворного влияния заграницы

привело к самоизоляции образования и последовательному замуровыванию всех каналов инфильтрации чужих ценностей. Чужих как чуждых и враждебных. Болезненный страх перед превращением школы в открытое пространство, «проходной двор» (Александр Радьков) был вполне оправдан. Модернизация образования несла угрозу, поскольку делала очевидным не только отсталость школы, но и несовместимость беларусской авторитарной модели управления системой образования с европейскими академическими ценностями. У власти было две возможности: пожертвовать модернизацией во имя сохранения режима или решиться на модернизацию образования, прежде всего, высшего, выстроив защитный барьер между обществом и университетом. Автономность учреждений образования — это традиционная для Европы форма контракта между властью и академией, позволяющая ограничить свободу мысли и слова границами университетского кампуса. Даже довольно антидемократические режимы в прошлом ухитрялись уживаться с академическими сообществами, в которых власть силы отступала перед силой разума. Но такая изощренная стратегия имела мало шансов на успех у беларусской власти.

Значительно больше шансов было у стратегии отказа от модернизации под предлогом ее враждебности нашей национальной самобытности.

У такой образовательной политики с некоторым опозданием появилась и своя мифология. Как и любой современный политический миф, миф беларусской национальной самобытности имеет грамматику, основанную на:

- высвобождении и распознавании своей отличности от других;
- архаизме, отвергающем современность во имя утопической реставрации прошлого;

- пренебрежении законами логики и здравого смысла.

Эта грамматика мифа национального образования оформилась тогда, когда интуитивная политика изоляционизма потребовала своего оправдания и массовой поддержки. Как можно увидеть ниже, казенные нарративы отчетливо выстраиваются в соответствии с тремя принципами мифотворчеств.

21 мая 2008 года в газете «Советская Белоруссия» была опубликована программная статья академика Рубинова «Педагогический зуд реформаторства» [2], в которой первый заместитель главы Администрации президента разъяснял, что из-за особой природы беларусской нации нам надо держаться как можно дальше от всяких западных соблазнов. «Говорят, что для русского хорошо, то для немца смерть. Но ведь часто справедливо и обратное», — писал академик. Вот, например, двенадцатилетняя школа — это на Западе она благо, потому что смягчает последствия безработицы. «И чем держать молодых людей на пособии по безработице, лучше лишних два года продержать их в школе», — заключает высокопоставленный ученый чиновник. А в Беларуси от двенадцатилетней школы только вред. У нас дефицит рабочих рук, стремительно растет армия пенсионеров, остро стоит демографическая проблема. А мы хотим посадить на шею трудящейся части населения взрослую молодежь, которая лишний год будет оставаться в школе.

Или другой пример вредоносных для беларусов западных обычаев: задуманная реформа по введению бакалавриата и магистратуры в вузах. Это на Западе такая система вполне оправдана. «Для западного образа жизни разделение высшего образования на две ступени удобно, — пишет академик, — так как там молодежь очень подвижная и легко переезжает из одной страны в другую. <...> А у нас, получив забесплатно бакалавра здесь, можно затем два года доучиться на Западе да там остаться. <...> Хорошо, что

президент вовремя остановил эту ненужную и даже вредную затею».

Видимо, у беларусов свой, глубоко самобытный путь. Про Болонскую модель академик Рубинов пишет так: «Подготовка специалиста с высшим образованием разделяется на две ступени. Первая занимает 3-4 года и дает общую подготовку к специальности, но не саму специальность. Выпускник этой ступени — бакалавр — это полуфабрикат, раньше такой вариант назывался у нас незаконченным высшим образованием. Вторая ступень, магистратура, обеспечивает уже получение конкретной специальности. <...> Для нас такой вариант совершенно не подходит. Недоучки в виде бакалавров нам не нужны, а гонять студентов по городам и весям с первой ступени на вторую — это только дезорганизовывать весь процесс. Воистину, что для немца хорошо, то для беларуса во многих случаях совсем неприемлемо».

Однако в случае Болонской модели беларусу смерть не только от того, что подходит немцу. Оказывается, что с казахами, русскими, армянами и другими участниками Болонского процесса из СНГ нам также не по пути. Но чтобы в таком вызывающем противопоставлении себя всему человечеству не чувствовать совсем уж одиноко, беларусам приходится самоизоляцию компенсировать мифологической архаизацией — фантастической и фальшивой причастностью к прошлой и уже исчерпавшей себя традиции. Беларусь объявляется единственной верной наследницей советской школы. Такая «ресоветизация» является бесплодным историческим маскарадом, поскольку всякая реальная связь с этим прошлым типом школы уже утрачена. Маска должна скрывать и оправдывать уродливую самобытность беларусской системы образования, культивируя чувство причастности к чужой и прошедшей славе.

Но особенно заметна «ограниченная рациональность» официального мифа о самобытности беларусского образования тогда,

когда при столкновении с реальностью политика самоизоляции начинает трещать по швам. Перед лицом дефицита средств для финансирования образования казенная мифология совсем отрывается от законов логики. Не смущаясь всеми прежними предостережениями против враждебности коротких циклов образования природе беларусов и не порывая с прежней мифологией самобытности, чиновники выстраивают совсем уж алогичное объяснение очередного этапа «шлифовки» (слово «реформа» находится под запретом) образовательной системы. Новую вспышку мифотворческой энергии вызвала работа над новым Кодексом об образовании.

Видимо, поиск особого беларусского пути и на этот раз увенчался успехом. Усилия отечественных парламентариев по оправданию законодательных новелл в период их работы над Кодексом заслуживают внимания в плане дальнейшего обогащения национального мифа. В образовательном кодексе предлагалось сократить продолжительность обучения на один год. «Высшее образование можно будет получить за период от трех до пяти лет», — обрадовал граждан Беларуси в то время председатель комиссии по образованию, культуре, науке и научно-техническому прогрессу Палаты представителей Национального собрания Владимир Зданович. Это бакалавры после 3-4 лет обучения в европейских университетах остаются «недоучками» и им надо завершать свою профессиональную подготовку в магистратуре. Беларусский рецепт иной. Мы здесь за 3-4 года подготовим профессионала без всякой магистратуры. Магистратура предназначена для тех, кто занимается наукой, разъясняет Владимир Зданович. «Если мы начнем выстраивать цепочку дошкольное — 12-летнее общее среднее образование — первая ступень обучения в вузе — вторая ступень, то человеку после ее прохождения пора выходить на пенсию». Сделать магистратуру профессиональной Беларусь пока позволить себе не может, утверждает парламентарий. Иначе придется увеличивать срок выхода на пенсию [3]. Так что если не хотите увеличения

пенсионного возраста, то принимайте беларусский *know how*. Видимо, от такого рецепта не поздоровится и немцам, и казахам, а беларусу — в самый раз. Никакой логики в таком прихотливом смешении нарративов Рубинова и Здановича усмотреть нельзя, но ее и не стоит ждать от «ограниченной рациональности» мифа о самобытности беларусского образования.

Кажется, что опьянение мифотворчеством тогда зашло так далеко, что депутаты и чиновники были готовы с гордостью предъявить эту самобытность всему миру и не сомневались, что она не помешает вступить в Болонский процесс. Тем более, что выгода такой образовательной архитектуры всем очевидна. И государству, и гражданам нашей страны. Сократив на год или два продолжительность обучения, можно сберечь немало бюджетных средств. Да и тем, кто сам платит за обучение, диплом обойдется дешевле. Об этом говорила в то время член комиссии по образованию Галина Юргелевич [4]. Наконец, иностранных студентов могут привлечь сокращенные сроки получения высшего образования. Ну, их не жалко, они потом смогут завершить образование в магистратуре за рубежом. А беларусы должны верить, что у них диплом специалиста, а не какого-то «недоучки-бакалавра».

После неудачной попытки присоединиться к Европейскому пространству высшего образования в начале 2012 года, появилась некоторая критичность в оценке достоинств своей образовательной системы. Однако было бы самообольщением полагать, что в головах мифотворцев не зреет очередной план укрепления самобытности беларусского образования.

В 2012 году уже было высказано пожелание увеличить продолжительность производственной практики для студентов. Александр Лукашенко предложил так построить образовательный цикл в высшей школе: студенты «два года <...> должны «грызть» науку в стенах академии, университетов, институтов, а остальные два года, если мы сокращаем с пяти до четырех лет срок обучения по неко-

торым специальностям, они должны быть на конкретном производстве. <...> Сегодня основные знания там. И преподаватель будет учиться, как возделывать какие-то сельскохозяйственные культуры и как создавать нефтехимическую, химическую продукцию, и, таким образом, подтянется до уровня производства и студент. Это очень важно» [5]. Беларусской высшей школе, конечно, сильно недостает связи с рынком труда, но предложение президента очень напоминает реформу Сапармурада Ниязова 2003 года, которая окончательно разрушила высшую школу Туркмении, хотя и сделала ее ни на что не похожей. И у Беларуси есть все шансы пойти по пути такой самобытности.

История реформирования беларусской средней и высшей школы показала, что под маской самобытности скрывалась не только социальная перверсия, вызванная страхом перед пугающими масштабами мировых трендов реформирования этой сферы общественной жизни, но и попытка убедить общество, что обычные закономерности развития школы теряют свою силу при столкновении с уникальностью беларусов. Хорошо известно, что удешевление образования ведет к снижению его качества. Но, видимо, это не должно касаться нашей образовательной политики. В Беларуси свертывание бюджетной поддержки образования ничего, кроме пользы, не приносит. Общество должно поверить, что такая наша самобытность только повышает качество обучения.

Некоторое время власти еще старались маскировать снижение доли ВВП, идущей на государственное финансирование образования. Ст. 53 Закона «Об образовании», действовавшего до сентября 2011 года, предписывала выделение на нужды этой отрасли не менее 10% ВВП. Реальное же бюджетное финансирование никогда не достигало этого уровня. Более того, доля ВВП, идущая на образование, за последнее десятилетие заметно сократилась:

Доля ВВП, идущая в Беларуси на образование [1, 15]

2002	2005	2009	2010	2011	2012
6,6%	6,4%	5,2%	5,4%	4,8%	5,1%

И если президент Лукашенко в своем докладе на Третьем Всебеларусском собрании еще обещал увеличение расходов на образование к 2010 году до 10% ВВП [6], то в вступившем в 2011 году Кодексе об образовании норма финансирования вообще не упомянута, и уже никто не вспоминает о 10% ВВП. В этом также есть своя самобытность, поскольку снижение государственной поддержки этой отрасли существенно отличает Беларусь от развитых стран.

Эта особенность беларусской образовательной политики хорошо просматривается на примере государственной поддержки высшего образования. За последние годы в Беларуси доля ВВП, которая расходуется на высшее образование, неуклонно сокращается. Если судить по тем данным, которые предоставляются беларусским Минобром для отчетов ЮНЕСКО, то эта доля сократилась с 1,1% в 2007 году до 0,7% в 2009 [7, 236]. Этот тренд противоположен основным тенденциям наращивания доли ВВП, идущей на финансирование высшего образования в развитых странах.

Расходы на одного студента в Беларуси почти на порядок уступают средним расходам на одного студента в странах ОЭСР и составляет всего 1957 долл. США [7, 226]. Этот показатель рассчитан по паритету покупательной способности, поэтому можно вполне корректно сравнивать расходы на одного студента в Беларуси и ОЭСР [8, 42]. Очевидно, что разрыв слишком велик, чтобы не сказываться на качестве образования.

То, что такая «самобытная» образовательная политика неизбежно ухудшает качество, легко предположить, но труднее доказать в условиях, когда власти не только умышленно противодейст-

вуют интернационализации образования, но и избегают участия в международных мониторингах. Беларусь никогда не участвовала в международных программах оценки знаний — таких, как Международная программа ОЭСР по оценке образовательных достижений учащихся (*Programme for International Student Assessment*, *PISA*), международном сравнительном исследовании качества математического и естественнонаучного образования *TIMSS* и других подобных проектах, которые давно стали привычными даже у наших соседей. Это делает невозможным проведение оценки образовательных достижений и навыков в Беларуси по международным стандартам. Беларусские власти, видимо, понимают, что любое такое сравнительное исследование качества беларусского образования может нанести сокрушительный удар по мифу о его национальной самобытности. Поэтому предпочитают уклоняться от реальной конкуренции на глобальном рынке образовательных услуг, замещая ее уходом в воображаемый мир успехов и достижений.

Самый простой способ убедить себя, что в нашей системе образования все обстоит не так уж и плохо, — сравнить с теми, у кого дела идут еще хуже.

Конечно, гордый беларус не должен смотреть на какую-то Европу или Америку, но все равно приятно, когда иностранцы признают наше превосходство в сравнении с... Эфиопией или Гватемалой. Для этого как нельзя лучше подходят Всемирный мониторинг ЮНЕСКО «Образования для всех» или Индекс образования, разработанный специалистами ООН. По результатам таких исследований, Беларусь уверенно занимает места в группе развитых стран.

Только вот критерии ЮНЕСКО для отнесения стран к этой группе не должны никого окрылять. 62 страны с индексом развития образования выше 0,950 выглядят процветающей монолитной группой в сравнении с той частью мира, где неграмотными остаются 759 миллионов человек, две трети которых составляют женщины, где не посещают школу 72 миллиона детей, а миллионы детей

покидают школу, так и не овладев базовыми навыками чтения, письма и счета. На таком фоне нетрудно почувствовать себя в авангарде цивилизованного человечества. Сам индекс развития образования сконструирован для того, чтобы измерять прогресс этих нищих стран на их пути к всеобщему начальному образованию. И он ничего не говорит о реальном положении образования в странах, в которых с неграмотностью покончили много десятилетий назад.

Но всё же о реальном качестве образования можно судить хотя бы по данным опроса работодателей, опубликованным Всемирным банком, который показывает, что беларусские компании в большей степени, чем какие-то другие в регионе Центральной и Восточной Европы, страдают от отсутствия работников с «правильным» набором навыков даже в тех случаях, когда имеется значительное количество специалистов с официальными дипломами высокого уровня [9, 71-72].

Распределение компаний в странах ЕЦА, которые считают навыки работников «основным» или «весьма существенным» сдерживающим фактором, 2008 год

			Таджикистан				
			Узбекистан				
	Азербайджан	Армения	Чехия				
	Босния и Герцеговина	Грузия	Эстония				
	Косово	Киргизия	Хорватия	Украина			
	Македония	Албания	Латвия	Молдова			
Черногория	Сербия	Болгария	Польша	Литва	Казахстан		
Венгрия	Словения	Турция	Словакия	Румыния	Россия	**Беларусь**	
0–10	**10–20**	**20–30**	**30–40**	**40–50**	**50–60**	**60–70**	**70–80**

Примечание: По данным исследования «характеристика деловой и предпринимательской среды» (*BEEPS*) за 2008-2009 годы [9, 71-72].

Такая беларусская «исключительность» свидетельствует о серьезном кризисе образовательной политики. И даже отсутствие корректных международных сравнительных исследований качества образования не маскирует его негативную динамику в нашей

школе. Есть и другие косвенные индикаторы негативных последствий национальных реформ образования.

Так, среди показателей, характеризующих национальную систему высшего образования, обычно ссылаются на уровень интернационализации и экспорт образовательных услуг, международные рейтинги университетов, развитие электронного обучения и др. По этим параметрам нам пока нечем похвастаться. Международная репутация нашей национальной системы высшего образования существует только в воображении чиновников. По уровню интернационализации беларусская высшая школа еще очень далека даже от уровня советского времени. Для того чтобы приблизиться к нему, наши университеты должны были бы иметь 45-60 тыс. иностранных студентов, а не 12 тыс., как сейчас. Но главное, международное признание не должно было бы ограничиваться популярностью у туркменских студентов. Еще более важным, чем въездная мобильность, показателем качества образования считается т.н. показатель чистой мобильности, характеризующий баланс въездной и выездной мобильности. В отличие от стран ОЭСР, этот показатель в Беларуси имеет отрицательную величину. Хотя есть определенные трудности в интерпретации статистики ЮНЕСКО в вопросах мобильности применительно к Беларуси, эти показатели являются теми немногими, которые она представляет для международных отчетов.

Показатель чистой мобильности складывается не в пользу беларусского образования. На 2009 год, по данным ЮНЕСКО (данные запаздывают на 2-3 года), въездная мобильность заметно уступала выездной: —24334 человека или —4,2%. Это достаточно тревожный знак для беларусской высшей школы, претендующей на высокую оценку качества образования. В развитых станах с привлекательной системой образования, как правило, баланс положительный.

Еще более тревожным этот показатель чистой мобильности выглядит при сравнении его с аналогичным показателем 2004 года. По данным ЮНЕСКО, в 2004 году он составлял —1,6%. За пять лет показатель чистой мобильности уменьшился более чем в 2,5 раза [7, 200].

Анализ информации, представленной беларусским Минобром для международного отчета, показывает, что в действительности ситуация еще хуже, чем это представляется по данным ЮНЕСКО. Представленные беларусами цифры характеризуют не весь пятый уровень образования (высшее и среднее специальное образование), а только систему высшего образования Беларуси. А учитывая, что статистика выездной мобильности тоже характеризует преимущественно сферу высшего образования, то баланс этих двух видов мобильности может выглядеть еще более печально. При пересчете данных ЮНЕСКО с учетом специфики беларусских данных мы можем получить показатель чистой мобильности на уровне —5,7%.

Это похоже на ситуацию массового бегства беларусских студентов от национальной высшей школы, претендующей на место в топе лучших образовательных систем мира. Характерно, что увеличение выездной мобильности совпало с поворотом государственной образовательной политики в сторону самоизоляции беларусского высшего образования. Эта политика имела целью создать барьер на пути студенческой мобильности, но породила обратный эффект массового бегства молодежи за рубеж.

Что касается международных рейтингов, то ни один беларусский вуз не имеет шансов в обозримом будущем «засветиться» в каком-либо списке престижных университетов. А убогое состояние электронного или дистанционного обучения в нашей стране в полной мере выдает истинное отношение власти к инновационным процессам в образовании.

В отсутствии международной оценки качества среднего образования в нашей стране о бедственном состоянии школы можно судить по результатам централизованного тестирования абитури-

ентов. Вступительная кампания 2013 года сделала это состояние особенно наглядным для общественности. Республиканский институт контроля знаний Минобра шокировал публику сообщением о том, что 32,7% участников ЦТ по математике получили оценки 15 баллов и ниже, а по физике аналогичный результат показали 37% [10]. Ничего нового в таких результатах не содержалось, но впервые у общества появилось понимание того, что треть абитуриентов не смогла справиться с заданием даже на двойку с минусом. Однако Министерство образования в этой ситуации отметило лишь некоторое улучшение результатов ЦТ по сравнению с прошлым годом. Видимо, само понятие качества в нашей стране имеет также какой-то особый, противоположный общепринятому смысл.

Таким образом, имеющихся в нашем распоряжении данных о качестве беларусского образования достаточно для вывода о сомнительных перспективах образовательной политики, основанной на казенном мифе о беларусской самобытности. Но даже очевидная бесплодность официальной стратегии строительства национальной системы образования не является достаточным основанием для перемен. И не только потому, что перверсивный характер образовательной политики служит целям оправдания режима, но и потому, что у власти помимо навыков манипуляции идеологическими смыслами есть еще возможности прямого и косвенного подкупа больших социальных групп, включенных в образовательные отношения. И пока это так, самые алогичные мифы не потеряют свою убедительность.

Сноски:

1. **Образование в Республике Беларусь. Статистический сборник**. — Мн., 2013.
2. *Рубинов А.* **Педагогический зуд реформаторства** [Электронный ресурс] // СБ — Беларусь сегодня. — Электронная версия газеты. —

06.03.2008. — Режим доступа (на 30.03.2014): http://www.sb.by/post/64375/, свободный. — Загл. с экрана.

3. **Магистратура в Беларуси предназначена для тех, кто занимается наукой** [Электронный ресурс] // Naviny.By. — Интернет-журнал. — 06.12.2007. — Режим доступа (на 30.03.2014): http://naviny.by/rubrics/society/2007/12/06/ic_news_116_281770/, свободный. — Загл. с экрана.
4. **Высшее образование можно будет получить и за три года** [Электронный ресурс] // Завтра твоей страны. — Интернет-издание. — 04.02.2010. — Режим доступа (на 30.03.2014): http://www.zautra.by/art.php?sn_nid=5709&sn_cat=19, свободный. — Загл. с экрана.
5. **Александр Лукашенко принял с докладом Министра образования Сергея Маскевича** [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. — Официальный интернет-портал президента РБ. — 24.07.2012. — Режим доступа (на 30.03.2014): http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-prinyal-s-dokladom-ministra-obrazovaniya-sergeya-maskevicha-3898/, свободный. — Загл. с экрана.
6. **Доклад Президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко на третьем Всебелорусском народном собрании** [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. — Официальный интернет-портал президента РБ. — 02.03.2006. — Режим доступа (на 30.03.2014): http://president.gov.by/ru/news_ru/view/doklad-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-na-tretjem-vsebelorusskom-narodnom-sobranii-5863/, свободный. — Загл. с экрана.
7. **Global education digest**. Montreal, Canada. : The UNESCO Institute for Statistics: http://www.uis.unesco.org/Education/Pages/ged-2011.aspx.
8. **Education at a Glance 2012**: OECD Indicators, OECD Publishing.: http://dx.doi.org/10.1787/eag-2012-en.
9. Обзор государственных расходов в Республике Беларусь. Повышение качества предоставляемых государством услуг в условиях жестких бюджетных ограничений. Часть 2. 21 февраля 2013 года / Всемирный банк, 2013.
10. Официальные результаты ЦТ-2013 года: статистика и видеорепортажи [Электронный ресурс] // Куда поступать.by. — Электронный справочник абитуриента РБ. — 09.07.2013. — Режим доступа (на 30.03.2014): http://kudapostupat.by/article/item/id/1075, свободный. — Загл. с экрана.

Российская Федерация как империя

Владимир Каганский

Краткий очерк имперского пространства СССР и России (включая современную РФ) в аспекте культурного ландшафта. Статья основана на теоретико-географических штудиях России, включая многочисленные путешествия теоретика.

Империя и культурный ландшафт

С точки зрения культурного ландшафта, ***империя*** *— это, прежде всего, большое и, одновременно, разнородное, дифференцированное пространство, включающее много разных (природно и/или культурно) типов ландшафта, много разных ландшафтных регионов, причем объединенных в целое внешним для этих ландшафтов образом*. Очень часто в империи выделяется привилегированная часть, наделенная властными полномочиями (метрополия), ландшафт которой, опять-таки, иногда служит образцом. Однако эта привилегированная часть сама может быть выстроена по внешним образцам (пример — петровская империя). При упорядочении имперского пространства нередко действует образец-прототип, безотносительно того, привязан он к территории внутри империи или вне нее. *Империя — это трансляции некоторого образца на всё пространство.* Еще шире проблема разворачивается при понимании *империи как машины трансформации ландшафтного разнообразия* (и не только ландшафтного) *в ландшафтное однообразие*, свертывания и усечения разнообразия.

Империя всегда сокращает разнообразие ландшафта — как исходного, доимперского (хотя иногда это приводит к созданию вполне продуктивных хозяйственно ландшафтов), так и потенциального, каковой существовал бы на территории в отсутствии империи. Очень часто это достигается трансляцией нормы или образца (реального или символического). Нет нужды приводить примеры, достаточно указать на регулярную планировку поселений в екатерининскую эпоху (Россия XVIII века) или почти полную стан-

дартизацию жизненной среды в эпоху СССР (и в том, и в другом случаях — вплоть до топонимии). По всей России (во многом, и по всему СССР, и за его пределами) стоят однотипные, а то и одинаковые кварталы и/или микрорайоны, сами жилые дома — немногих серий, типовые школы, поликлиники и пр. Поселения однообразны и однотипны, что явно поражает взор непредубежденного наблюдателя. Эта *стандартная ландшафтная среда* (не ландшафт!) с малым числом деталей, семантически не проработанная, просто *вредна для жизни*.

Империя — пространство разнообразия, превращаемого в однообразие*.** При этом мотивы могут быть совершенно различны (и притом могут быть как отрефлектированы, так и не неотрефлектированы): от удобства управления однообразными объектами до трансляции образца, в силу приписывания ему совершенства либо даже его сакрализации (имперское пространство обычно сакрализовано). *Сокращение разнообразия подвластного империи пространства эквивалентно* ***сокращению семантического размера этого пространства. Имперское пространство всегда меньше, нежели соответствующее неимперское. *Основными признаками империи можно считать единое структурирование большого разнообразного и разнородного пространства, его единое внешнее нормирование на основе стандартов*, присущих лишь некоторой небольшой привилегированной части империи (метрополии) либо не присущих никакой ее части. В пространстве империи *самоё пространство вторично*, оно есть пространство-проекция, эманация власти. *Пространство империи создано, заполнено и оформлено властью*. Власть — главный игрок, основный актор обустройства пространства. Империя унифицирует и интегрирует свое пространство. Имперское пространство структурировано и интегрировано специальными структурами (преимущественно, силовыми, но отнюдь не только силовыми). *Саму империю как феномен можно считать способом и механизмом силовой интеграции и унификации больших разнообразных территорий*. Всякая империя — это

пространство линий коммуникации, замыкающихся на центр, который приобретает особую роль и уникальную функцию. Империя — пространство центростремительное: «Все дороги ведут в Рим...». Горизонтальные, непосредственные связи между местами в подвластном империи пространстве носят второстепенный характер и отнюдь не насаждаются властями империи; связи мест часто (или в основном) носят непрямой, трансцентральный характер (через центры). Империя — пространство доминирования статусных, вертикальных связей. Статусное, «вертикальное» пространство (и расстояние) в империи куда существеннее, нежели обычное, горизонтальное пространство (и расстояние). *Пространство империи связно, но оно связано через центр*.

Империя свободно оперирует материалом ландшафта, может перемещать его на любые расстояния и в состоянии создавать новые ландшафтные формы и даже регионы, иногда достаточно значительных размеров. Империя здесь имеет преимущество последовательности и возможности не считаться с неудачами, в силу иногда практически неограниченных ресурсов, в том числе и времени. Подчеркну, для империи ландшафт не является ценностью, особенно чужой ландшафт; им легко жертвуют во имя иных целей. Точнее, не «не является», а просто не существует как таковой, ***ландшафт онтологически не дан империи как существующий***. Это вполне относится и к нынешнему государству под названием «Российская Федерация».

Именно возможность чрезвычайной концентрации ресурсов огромной территории (иногда и всей империи) для осуществления территориально локальных проектов — особенность империи. Пример дает всё тот же Петербург. Напомню, что во время его создания во всей империи было запрещено каменное строительство. Был целенаправленно создан ландшафтный шедевр (город с пригородами). Но без статуса центра империи Петербург обречен на разрушение. Единственный шанс его спасения — превращение в город-музей мирового значения, мировой музей империи. По кон-

центрации ресурсов с ним сопоставим атомный город Арзамас-16 (Саров), который, однако, терминологически точно является антиландшафтом и также не может быть сохранен (в безопасном состоянии) без особых мер и внешней помощи. Однако сопоставимый по относительному размеру Новгород, учитывая разницу эпох, был создан неимперской политической системой. В отличие от Петербурга, расцвет Новгорода не достигался за счет концентрации ресурсов подвластного культурного ландшафта, а был выражением развития этого ландшафта, освоения огромной территории.

Империя есть централизация. Это аксиома. И, в частности, это означает, что империя как насос выкачивает всё мало-мальски активное население и концентрирует его. Остальная территории (для империи это периферия) остается без должного креативного потенциала. Но и посланцы центра уже не могут заменить местных профессионалов, поскольку не владеют местной спецификой. *Деформация и разрушение ландшафта может достигаться в империи только за счет такой ротации кадров.* Централизация имеет и иное последствие для ландшафта: позитивно оценивается всё, ориентированное на центр, централизованное. Поскольку ландшафт в принципе децентрализован и полицентричен, его негативная оценка в империи неизбежна. ***Империя разрушает ландшафт, даже не подозревая о его существовании.***

Российская Федерация как империя

Основными признаками империи *следует считать единое структурирование большого разнообразного разнородного, в том числе, и особенно культурно — пространства, его внешнее нормирование и унификацию на основе стандартов, присущих лишь некоторой небольшой привилегированной части государства либо не присущей никакой конкретной части*. С сугубо пространственной точки зрения, империя — это объединенное особыми средствами пространство разнообразных и разнотипных природных и культурных ландшафтов, удерживаемое внешним обра-

зом разнообразие ландшафтов. Империя — принудительное, искусственное, внешнее и неорганичное единство разнообразия ландшафтов. Разумеется, это пространство до известной степени впоследствии интегрируется и оестествляется.

В пространстве империи самое пространство вторично, это пространство-проекция, пространство-эманация власти. Пространство империи создано, заполнено и оформлено властью. Данная, прежде всего в пространстве, ***империя не знает пространства как такового***, как автономного феномена, как самозаконной сущности: пространство империи — всего лишь аспект (хотя мощный и значимый) государства, власти, государственной мощи и структуры. *Имперское пространство — это пространство-государство, а не пространство-ландшафт*. Власть — главный игрок, основный актор пространства. Империя унифицирует и интегрирует свое пространство. Саму империю как феномен можно считать способом и механизмом силовой интеграции и унификации больших разнообразных территорий.

Всякая империя — пространство линий коммуникации, замыкающихся на центр, приобретающий особую роль и уникальную функцию. *Империя —* ***пространство центростремительное***: «Все дороги ведут в Рим». *Пространство империи задано двумя основными особыми областями:* **Центром и Границей**; их роль, в том числе сакрально-символическая, хорошо известна. Пространство империи — пространство, извне сжатое внешними, чуть не абсолютными границами — и организуемое внутренним абсолютно доминирующим центром; между ними — доминирующая по площади и смыслу зона ландшафта — ***Периферия***.

Если ограничиться приведенными краткими и, в общем, известными чертами империи (вернее, пространства империи), то *принадлежность СССР и РФ (как и дореволюционной России) к типу империй не может быть оспорена безотносительно ценно-*

стных коннотаций, каковыми чрезвычайно богат дискурс империи.

Пространство и СССР, и РФ централизовано, моноцентрично на всех уровнях, организовано по оси «центр — периферия», в его структуре и форме огромную роль играют внешние границы, носящие характер огромных милитаризованных зон. Центр как функциональное ядро и просто как столица играет в пространстве СССР и РФ огромную роль; сопоставимых по роли и функции с Москвой городов в РФ на самом деле нет. Пространства и СССР, и РФ (на всех территориальных уровнях) — централизованные, ограниченные плохо проницаемыми внутренними границами; на внутренних границах между регионами царит глушь и запустение — Внутренняя периферия.

Центр государства и его границы, а равно связывающие их и пронизывающие территорию транспортно-коммуникационные магистрали — главные конститутивные элементы пространства. Империя — еще и высочайшая централизация и сосредоточение власти и смыслополагания, монопольное центрирование большого пространства и концентрация всех значимых элементов наверху. В этом смысле, ***СССР был ярко выраженной империей, а РФ ею остается***. Пространство СССР было, а пространство РФ остается чрезвычайно однообразно структурированным — несмотря на огромное разнообразие ландшафта, это система моноцентрических узловых районов на базе регионов административно-территориального деления; существует одна-единственная универсальная система районов.

Разнообразие ландшафтов «современной России в границах РФ» и подстилающих их природных ландшафтов ***несомненно*** и не оспаривается ни сторонниками доктрины об РФ как империи, ни сторонниками доктрины об РФ как национальном государстве; вся российская география стоит на том, что пространство России большое и сложное. Если пространство большое, это логически означа-

ет, что оно еще и разнообразное. Достаточно вспомнить, что территория РФ — несколько больших зон природно-культурного ландшафта, где различно практически всё: природная основа, тип автохтонного населения и вписанного в ландшафт хозяйства, современное расселение и экономический профиль территории, даже культурно-этнические группы самого русского населения. Нет нужды и напоминать и об очень сложной и болезненной истории включения этих разнообразных территорий в состав единого государства.

Между пространственной формой империи и ее геополитикой есть связь, хотя и не столь жесткая, как принято думать. В этом аспекте, сходство СССР и РФ достаточно велико. Эти государства жестко контролируют свое пространство, удерживая часть подвластных территорий прямой военной силой, сохраняя в своем составе ряд территорий в режиме прямой военной оккупации; ведут внутренние и внешние территориальные войны; ориентированы на силовое сохранение — если не расширение — внешней сферы своего влияния; имеют фактические владения...

Огосударствленное имперское пространство

Культурный ландшафт России как страны *в основном сформирован властью (государством) хотя бы как главным собственником (распорядителем) земель*. Однако и наследие доросcийского ландшафта значительно: например, для автохтонного населения Байкал был сакральным местом, что и определило сохранность его ландшафтов. Ландшафт страны сформирован под воздействием сильного, активного, централизованного государства, доминирующего над обществом (или инкорпорировавшего его в «государство», как в СССР). Перманентно расширявшееся государство постоянно реализует имперские идеологемы и практики, силовые воздействия и унификацию пространства. Пространство государства имеет высокую символическую ценность вплоть до его сакрализации, но исключительно экстенсивно (величина террито-

рии государства) либо для особых мест. Для государства предмет заботы о ландшафте — отдельные немногие места; ландшафт как значимая данность игнорируется и семиотически не существует. Для культуры (общества) вопрос много сложнее, выходит далеко за рамки темы и здесь рассматриваться не может. *Не природные, но культурно-идеологические и политические факторы обусловили формирование в России унифицированного имперски-централизованного ценностно-поляризованного культурного ландшафта*.

Если даже ограничиться приведенными выше краткими и, в общем, известными чертами империи (вернее, пространства империи), то принадлежность дореволюционной России, СССР и РФ к типу империй не может быть оспорена безотносительно ценностных коннотаций, каковыми чрезвычайно богат дискурс империи. **СССР был ярко выраженной империей, а РФ ею остается*, хотя ситуация меняется.* Эта характеристика, разумеется, относится не к именованию центральной власти, титулу правителя государства, конституционному самоопределению государства *etc.* — она относится к структуре пространства.**

Весь отечественный культурный ландшафт — ландшафт имперский.

Между тем, что Россия — большая страна, и тем, что она — империя, есть связь, но совсем иная, нежели обычно принято думать, она противоположна расхожему рассуждению. Россия — не потому империя, что она большая, ***Россия именно потому такая большая, что она — империя****, т.е. реализовывала имперскую стратегию экспансии,* активно применяла соответствующие военные и геополитические технологии. (Канада большая страна, но в практически лишена черт империи; внутренняя пространственная структура США лишена имперских черт; но вот геополитический статус Китая как империи очевиден). *«Имперскость» наложила огромный отпечаток на всю структуру пространства*

России, ее ландшафт. С непрерывной имперской экспансией в пространстве — и рентной экономикой — иногда связывают саму специфику социально-экономического строя России вплоть до современности.

Иллюстрацией и теоретико-картографической моделью сказанного служит приводимый картоид.

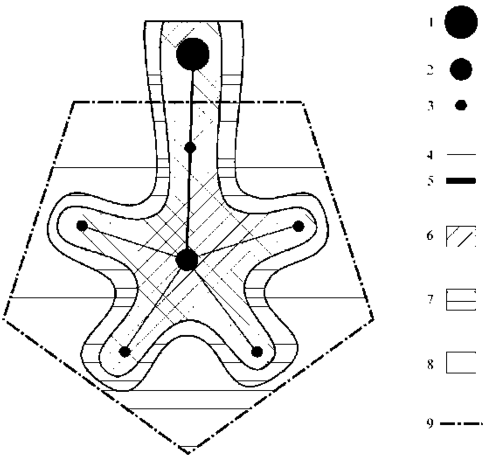

Рисунок 1. Государственное пространство — каркас культурного ландшафта

Условные обозначения: 1, 2, 3 — центры; 4, 5 — магистрали; 6-8 — зоны культурного ландшафта: 6 — преобладают антропогенные компоненты, 7 — баланс антропогенных и природных компонентов, 8 — преобладание природных компонентов; 9 — административно-политические границы.

Национальная модель культурного ландшафта

Теперь попробуем компактно представить *общую специфику ландшафта России, присущую как территории страны в целом, так и большинству ее частей и территориальных уровней*.

Сформулируем ***национальную модель культурного ландшафта России.*** Нынешний российский культурный ландшафт очень специфичен. Он унаследовал свои главные черты от совет-

ского пространства, а оно, в свою очередь, утрировало многие черты пространства Российской империи. Пространство страны насквозь пронизано государством, структурировано государством и отдельно не существует. Определяющая детерминанта состояния, положения, функции, смысла места — ***статусная детерминация*** (в собственно ландшафте — позиционный принцип, географическое положение). Культурный ландшафт на всех уровнях — система отчетливых ячеек, основная жизнь в них сосредоточена в центрах и замирает на окраинах. Эти ячейки плохо связаны меж собою (почти все связи идут через центр) и разделены барьерами безлюдья и бездорожья. Всё в нашем ландшафте смотрит на центр, как стрелка компаса на север. Ландшафту, сконструированному и сжатому центрами и границами, недостает средней зоны обыденности — Провинции. Провинция дефицитна, Периферия избыточна, роль границ чрезмерна и деструктивна.

Специфика российского культурного ландшафта может быть резюмирована так:

- всё пространство унифицировано и организовано из чуждой конкретным местам, экстерриториальной позиции;
- провинция как тип элиминирована и лишь локальна;
- пространство сжато Центром и Границей, это Периферия;
- пространство моноцентрично;
- существует единая единственная сеть ячеек пространства
- и соответствующая им единая единственная универсальная сеть центров.

Эти структуры охватывают все пространственные уровни и все типы пространств, включая во многом и фазовые пространства. Специфика национальной модели культурного ландшафта — предельная концентрация имперских черт и структур. Именно этот тип пространства позволил быстро включить в состав государства, структурировать и временно удерживать территории разных типов и размеров.

Культурный ландшафт России — яркое и явное наложение форм государства на ясную четкую природную основу. Ландшафт России, прежде всего, ландшафт не собственно культурный и даже не природно-культурный, это ***ландшафт природно-государственный, природно-имперский***[1].

Еще раз подчеркнем: ***империя — характеристика структуры и состояния пространства и/или ландшафта РФ, а отнюдь не характеристика политики***. Даже если РФ откажется от фактической аннексии Абхазии и Южной Осетии, эвакуирует все военные базы с территории иных государств, прекратит боевые действия на Кавказе и предоставит независимость всем желающим «национальным регионам», то по структуре своего пространства РФ империей в целом быть не перестанет. Империя — прежде всего, определенное обустройство пространства, совершенно неизбежное и осмысленное в одних исторических ситуациях и столь же совершенно излишнее и бессмысленное в иных. ***Современная РФ — несомненно, имперское пространство, но налицо лишь все издержки империи, и нет ее преимуществ. Имперское обустройство пространства России является для нее сейчас тяжким бременем, издержками и обузой***. Не может пространство современного общества быть унифицированным, гиперцентрализованным и моноцентричным, имея фактически один полноценный современный город и почти бессвязный культурный ландшафт, содержать внутри себя огромную зону запустения — внутреннюю колонию, Внутреннюю Периферию. ***Пространство современного общества — пространство постимперское, нравится это кому-либо или нет.***

---

[1] Подробнее см.: *Каганский В.Л.* **Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты** [Электронный ресурс] // Международный журнал исследований культуры. — Электронная версия журнала. — 2011. — № 4(5). — Режим доступ (на 30.03.2014): http://www.culturalresearch.ru/ru/archives/76-2011geography, свободный. — Загл. с экрана; Культурная география; *Каганский В.Л.* **Ландшафт. Империя. Россия** // Международный журнал исследований культуры. — 2013. — № 2(11). Там же см. и библиографию по теме.

Об авторах

Владимир Мацкевич (Беларусь), философ и методолог, руководитель Агентства гуманитарных технологий (Минск), основатель образовательной программы «Летучий университет», глава Рады Международного консорциума «ЕвроБеларусь».

Андрей Егоров (Беларусь), методолог, политолог, магистр политических наук, директор Центра европейской трансформации.

Татьяна Водолажская (Беларусь), методолог, социолог, кандидат социологических наук (*PhD*), координатор образовательной программы «Летучий университет», старший аналитик Центра европейской трансформации.

Мартин Брусис (*Martin Brusis*) (Германия), доктор социологии (*PhD*), научный руководитель экспертной сети «Institutions and Institutional Change in Post-Socialism» при Институте политических наук Мюнхенского университета Людвига-Максимилиана.

Аляксей Ластоўскі (Беларусь), сацыёлаг, даследчык гістарычнай памяці і нацыянальнай ідэнтычнасці, кандыдат сацыялагічных навук (*PhD*), супрацоўнік Інстытута палітычных даследаванняў «Палітычная сфера», намеснік рэдактара часопіса «Belarusian Political Science Review».

Пётр Рудкоўскі (Беларусь), філосаф і багаслоў, магістр філасофіі, магістр тэалогіі, дактарант Інстытута філасофіі Варшаўскага ўніверсітэта (Польшча).

Владимир Дунаев (Беларусь), кандидат философских наук, профессор, руководитель Агентства политической экспертизы, эксперт Общественного Болонского комитета.

Владимир Каганский (Россия), географ и методолог науки, кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии Российской академии наук.

Научное издание

**Беларусизация.
Можно ли завершить процесс институционального строительства независимого государства?**

Сборник материалов конференции

Под редакцией Андрея Шутова

Корректор: Андрей Шутов
Оформление: Андрей Шутов
Дизайн обложки: Светлана Соколовская

Подписано в печать: 31.03.2014. Формат: 60×84 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд.л.: 4,71 Усл.печ.л.: 5,06
Тираж: 100 экз.

Центр европейской трансформации (ЦЕТ) — независимый беларусский *think-tank*, основанный в марте 2010 года. ЦЕТ входит в структуру Международного консорциума «ЕвроБеларусь».

Центр европейской трансформации
Минск, Беларусь

cet@eurobelarus.info
cet.eurobelarus.info
+375 29 6185388